

18+ Андрей Вайкус

Идеальная Иллюзия

Технотриллер

Андрей Вайкус

Идеальная Иллюзия.

Технотриллер

<https://litres.ru/74268829>

ISBN 9785007062336

Аннотация

Алекс — талантливый студент и программист, привыкший видеть мир как систему закономерностей. Когда самая красивая девушка курса оказывается совершенной иллюзией, созданной по заказу сильных мира сего, талантливый программист Алекс попадает в мир искусственного совершенства и власти — и ищет ответ на вопрос, что делает чувства настоящими.

Содержание

ИДЕАЛЬНАЯ ИЛЛЮЗИЯ	5
2 глава	24
3 глава	40
ПОЛНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ	61
Глава 4	62
Глава 5	76
Глава 6	86
Глава 7	94
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Идеальная Иллюзия Технотриллер

Андрей Вайкус

© Андрей Вайкус, 2026

ISBN 978-5-0070-6233-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИДЕАЛЬНАЯ ИЛЛЮЗИЯ

1 глава

Вечерний свет умеет лгать.

Он ложится на старые ступени университетской библиотеки мягким золотистым фильтром, превращая щербатый гранит в декорацию из дорогого кино. Осень в такие часы пахнет прелой листвой и чем-то неуловимо сладким — горьковатым ароматом уходящего тепла, который запоминаешь на всю зиму. Воздух уже прохладный, но солнце ещё не сдалось: оно цепляется за крыши и стёкла, разбрасывая по асфальту длинные янтарные тени.

Алекс вышел из главного корпуса, на ходу запихивая конспекты в рюкзак, щурясь от низкого закатного света, — и замер.

Она стояла у библиотечных ступеней так, словно весь этот закатный свет выставили специально для неё.

Стройная фигура в облегающем чёрном топе и узких джинсах, которые будто были сшиты именно под её пропорции. Белокурые волосы идеальными волнами спадали на плечи — ни одна прядь не смела выбиться из строя. Смуглая кожа в лучах заката казалась тёплой, почти живой — позолоченной изнутри. Подбородок слегка приподнят. Взгляд — поверх изящных очков в тонкой оправе — устремлён куда-то

вдаль, туда, где люди превращались в безликий фон.

Мимо неё спешили студенты — с рюкзаками, бумажными стаканами кофе, на велосипедах. Шуршала листва под ногами. Кто-то смеялся, кто-то орал в телефон, кто-то волок тяжёлую сумку, цепляясь за бордюр. Всё это происходило словно в параллельной реальности — по другую сторону невидимой стены, которую она возвела вокруг себя с такой лёгкостью, что, наверное, сама уже не замечала.

Алекс наблюдал за ней несколько секунд. Потом поправил лямку рюкзака и шагнул вперёд.

— Ты кто такой? — бросила она, не поворачивая головы.

Голос — ровный, чуть скучающий, как у человека, давно переставшего удивляться. Но её глаза — голубые, почти прозрачные за стёклами очков — скользнули по нему не просто так. Они ощупали его методично: шею, плечи, руки, пальцы, сжатые на лямке рюкзака.

Алекс почувствовал это прикосновение взгляда — холодное, точное, как лезвие скальпеля. Оно задело что-то под кожей, заставив кровь быстрее побежать по венам. Он знал, что она видит: неровный шов на куртке, чуть сбившиеся волосы, напряжение в пальцах. И — самое главное — интерес. Живой, плохо скрытый.

Она заметила его реакцию. Уголок её идеально очерченного рта дрогнул...

— Просто парень, который заметил твою надменную ухмылку, — ответил он.

Голос прозвучал ровнее, чем он ожидал. Алекс сделал шаг ближе — достаточно, чтобы почувствовать едва уловимый шлейф её духов: мускус, ваниль и что-то ещё — тёплое и острое одновременно, невозможное для точного описания.

— Алексей Воронов. Можно просто Алекс.

Она наконец повернула голову. Медленно. Лёгкая прядь соскользнула на плечо — красиво, как в рекламе шампуня. Ветерок растрепал края её волос, но даже это выглядело срежиссированным, как будто природа тоже подчинялась её правилам.

Голубые глаза изучили его ещё раз — теперь в упор, без спешки. Чуть дольше, чем нужно просто для того, чтобы запомнить лицо.

— Ладно, так и быть, — протянула она с ленивой снисходительностью, словно делала одолжение. — Кристина.

— Можно пригласить тебя на свидание?

Алекс давно наблюдал за этой девушкой из их группы — с самого начала семестра. Но всегда на расстоянии: она существовала в другом измерении, окружённая своей свитой, своим ореолом недоступности. Лишь сегодня удалось оказаться рядом без свидетелей.

Она смотрела на него секунду. Две. Потом на её губах скользнула улыбка — лёгкая, хищная, как у кошки, разглядывающей воробья, которому некуда деться. Она наклонилась чуть ближе, и запах её духов окутал его плотнее.

— Свидание, — произнесла она это слово как диагноз, с

медицинской точностью. — «Со мной». Наглость — это мило. Но это уровень детского сада. Если хочешь моего внимания — докажи, что не зря его просишь.

— Давай так, — Алекс не отступил, хотя сердце стукнуло сильнее, чем он ожидал. — Если я сдам сегодняшний зачёт по квантовой физике на «отлично» — ты идёшь со мной на свидание.

Квантовая физика была самым трудным предметом в их вузе. Это знали все.

Она замолчала на секунду — ровно одну. В её глазах мелькнул азарт, почти неуловимый, как искра в глубине зрачка.

— А если нет, — она подхватила мгновенно, — носишь мне кофе целый месяц. Двойной капучино. Через два часа в аудитории двести восемнадцать. Не опаздывай, лузер.

Последнее слово прозвучало неожиданно задорно — почти игриво. Похоже, его дерзость её зацепила сильнее, чем она хотела показать.

Старая лекционная аудитория двести восемнадцать гудела тихим ульем студенческой тревоги.

Запах здесь стоял особый — меловая пыль, старая краска на батареях, чужой страх. Ряды деревянных столов с выцарапанными датами и именами, стёртая доска, на которой ещё угадывались следы предыдущей лекции. Тусклые плафоны под потолком давали жёлтый, усталый свет. За высо-

кими окнами синело вечернее небо — октябрь медленно пожирает оставшиеся часы светлого времени.

Кристина сидела на последнем ряду, закинув ногу на ногу, и листала что-то в телефоне с видом человека, оказавшегося здесь по недоразумению. На фоне помятых тетрадей, грызущих ручки однокурсников и мятых курток она смотрелась как иллюстрация из глянцевого журнала, случайно попавшая в студенческий конспект. Ни малейшего беспокойства. Ни одного лишнего движения.

Когда седой преподаватель в роговых очках — профессор Серов, легенда кафедры и кошмар четырёх поколений студентов — вызвал Алекса к доске, она подняла взгляд от телефона. Медленно. И убрала его в сумку.

Алекс шёл к доске спокойно — слишком спокойно для человека, который только что поставил на кон целый месяц унижения. Взял мел. И начал.

Уравнение Гейзенберга легло на доску без единой паузы — чисто, уверенно, как будто Алекс просто переписывал то, что давно видел перед глазами. Буквы и символы выстраивались в точные ряды, как солдаты на параде. Следом — графики с наложенными волновыми функциями, аккуратные, с подписанными осями. Мел стучал по доске с ритмом метронома. Ни заминки, ни исправлений.

В аудитории стояла мёртвая тишина.

Профессор Серов поднял голову от ведомости. Снял очки. Медленно протёр стёкла краем пиджака — не потому,

что запотели, а потому что привык так думать. Снова надел. Поднялся со стула и подошёл к доске вплотную, изучая написанное.

Долгая пауза.

— Хм, — произнёс он, и в этом коротком звуке поместилось всё: удивление, признание и лёгкое раздражение человека, которому не удалось поймать на ошибке. Профессор молча вернулся к столу и вывел в ведомости крупно: «Отлично».

Кто-то сзади присвистнул. Кристина медленно сняла очки, сложила дужки, положила их на стол. Её пальцы задержались на оправе чуть дольше, чем нужно.

На её скулах проступил лёгкий румянец. Она смотрела на Алекса секунду дольше, чем требовалось для простой оценки результата — секунду, за которую успевает произойти что-то, не имеющее названия.

В коридоре, когда студенты шумной волной покатались к выходу — с облегчёнными выдохами, хлопками по плечам, звяканьем ключей, — она подошла к нему сама.

Это было неожиданно. Алекс ждал, что она просто уйдёт.
— Да уж, — выдохнула она.

В голосе появилась хрипотца — лёгкая, почти неуловимая, как царапина на полированной поверхности.

— Ты действительно сдал.

— Так вышло, — усмехнулся Алекс.

Она помолчала. Смотрела куда-то мимо него — туда, где коридор поворачивал к главному выходу. Потом произнесла, не меняя направления взгляда:

— Сегодня в восемнадцать ноль-ноль. Кафе у центрального парка. — Коротко взглянула на него. В её глазах мелькнуло что-то, что она мгновенно погасила. — Удиви меня и там.

Развернулась и ушла, не оглядываясь. Каблуки отбивали по линолеуму чёткий, ровный ритм — ни тороплив, ни медлен. Идеально выверенный.

Алекс смотрел ей вслед и почувствовал, как в кармане коротко вибрирует телефон.

Он знал, что это за сигнал.

Несколько недель назад Алекс написал приложение — больше, как упражнение по программированию, чем из практических соображений. Детектор скрытых высокотехнологичных устройств. Сканер архитектур, которых не должно быть в кармане случайного прохожего. Он написал его за ночь, запустил на следующий день — и почти сразу забыл. До сегодняшнего дня.

Достал телефон. Посмотрел на экран.

«Аномалия. Неизвестная архитектура. Дистанция: 4 метра»

Алекс поднял взгляд. Кристина уже исчезала за поворотом коридора — белокурые волосы, прямая спина, безупречная походка.

Он постоял ещё мгновение, чувствуя, как что-то холодное и острое оседает в груди — не страх. Что-то похожее на понимание, которое ещё не успело оформиться в слова.

Потом убрал телефон в карман и медленно пошёл к выходу.

Кафе «У центрального парка» было из тех мест, где всё сделано правильно — и которое хотело, чтобы ты это заметил.

Приглушённый свет торшеров с медными абажурами создавал тот особый золотистый полумрак, в котором люди кажутся красивее, а разговоры — важнее. Массивные столы из тёмного дуба, отполированного тысячами чужих локтей. Тяжёлые бархатные портьеры цвета бордо на высоких окнах — снаружи темнело, и город за стеклом превращался в размытое световое полотно. Из скрытых в потолке динамиков текла тихая европейская рок-баллада — глубокий струнный оркестр, пронзительное фортепиано, что-то надрывное и красивое одновременно. Запах свежемолотого кофе смешивался с ароматом старого дерева и чьих-то дорогих духов.

Место было не для студентов.

Кристина сидела за угловым столиком — тем самым, куда свет падал под нужным углом. Чёрное вечернее платье, открывавшее ключицы и плечи, было явно не из университетского гардероба. Свет ложился на её лицо именно так, как должен был — высвечивая скулы, смягчая тени под глазами,

делая её похожей на иллюстрацию из книги, которую хочется перечитывать.

Она не смотрела на вход. Она знала, что Алекс войдёт.

Алекс на секунду подумал, что она инстинктивно выбирает места, где выглядит лучше всего. Потом поправил себя: возможно, дело не в инстинкте. Возможно, это расчёт — точный, как всё остальное в ней.

Он сел напротив.

Официант материализовался мгновенно — предупредительно, но не назойливо. Кристина даже не взглянула на него, подняв два пальца. Официант кивнул и исчез. Похоже, она здесь бывала.

— Знаешь, — сказал Алекс наконец, глядя на неё так, словно пытался разглядеть что-то за идеальной маской её лица, — в тебе есть что-то завораживающее. Твоя красота... она не просто красива. Она абсолютна.

Это прозвучало честнее, чем он планировал. Алекс не собирался говорить именно это — и уж тем более именно так.

Кристина слушала его с лёгким наклоном головы, как слушают музыку, которая почти понятна. Взгляд — внимательный, изучающий, чуть прищуренный.

Потом её пальцы — тонкие, прохладные, как металл, только что вынутый из воды — коснулись его запястья. Не случайно. Не нежно. Целенаправленно. Как если бы она взяла пробу.

— Абсолютна? — её голос стал глубже, бархатнее, словно

она пробовала это слово на вкус, перекатывала его, взвешивала. — Ты первый, кто сказал это без сарказма.

Пауза. В ней что-то прошло — тень чего-то, что она не позволила себе назвать.

Её пальцы скользнули выше — к внутренней стороне его предплечья, туда, где кожа тоньше, где пульс бьётся ближе к поверхности. Алекс почувствовал это прикосновение — холодное, точное, как прикосновение хирурга перед первым надрезом.

И — что-то ещё. Что-то, чего он не ожидал.

Жар.

Её кожа не была холодной. Она была прохладной — но под этой прохладой словно тлел уголь. Что-то живое и опасное. Алекс видел, как её зрачки чуть расширились, когда она почувствовала его пульс под пальцами. Словно считывала данные.

— Ты... — он запнулся. — Ты всегда такая?

Она улыбнулась — лёгкой, загадочной улыбкой, которая не обещала ничего хорошего и была от этого вдвойне притягательна.

— Всегда, — ответила она. Её пальцы всё ещё лежали на его запястье. — Но сегодня я решила быть особенно внимательной.

Официант принёс кофе — два эспрессо и маленький кувшинчик горячих сливок для неё. Кристина не притронулась к чашке. Только взяла её в пальцы — согревала ладони.

Алекс попросил её рассказать о себе. О семье.

Она рассказывала — красиво, легко, с нужными паузами в нужных местах. Детство в Париже. Строгая мать с тяжёлым взглядом и ещё более тяжёлыми ожиданиями. Уроки балета в маленькой студии на правом берегу Сены — запах канифоли, холодный паркет, зеркала от пола до потолка. Каждый жест, каждый поворот головы, каждый вздох был безупречен. История разворачивалась как хорошо написанный рассказ — с внутренней логикой, с деталями, которые врезаются в память.

Алекс слушал и думал, что ложь такого качества — это отдельный вид искусства.

И восхищался ею. По-настоящему, без иронии. Это было неожиданно.

— А ты? — вдруг спросила она, и тон её изменился — стал чуть холоднее, острее, как воздух перед грозой.

Кристина отставила чашку. Голубые глаза смотрели на него уже иначе — без той лёгкой кофейной теплоты предыдущего получаса. Теперь в них был другой свет. Аналитический.

— Кто ты на самом деле, Алекс? — произнесла она медленно, взвешивая каждое слово. — Твои знания пахнут не учебниками. Ты задаёшь правильные вопросы. И ты смотришь на меня не так, как смотрят остальные. — Пауза. — Я чувствую, когда меня изучают.

В кафе играла музыка. Пианист на второй теме — медлен-

но, почти обречённо. Чьи-то голоса за соседним столиком, смех, звон бокалов. Обычный вечер.

Только здесь, в этом углу, пространство между ними сгустилось.

Кристина встала. Плавно, одним движением — как встают люди, которые всегда знают, что делают дальше.

— Свидание окончено!

Стул скрипнул по паркету. Она взяла сумочку.

Алекс достал смартфон.

На экране горело зелёное табло. Нужную функцию он нашёл три дня назад — когда уже знал, кто такая Кристина. Долго думал: стоит ли. Взвешивал. Представлял последствия в обе стороны. Потом решил, что другого выхода нет — во всяком случае, другого, который он был готов принять.

Несколько часов ушло на взлом её кода доступа, чтобы интегрировать его в приложение. Самая сложная задача за последние месяцы — и самая странная.

Он нажал кнопку.

— Вернись, — тихо сказал он.

Кристина остановилась у самой двери.

Это произошло не сразу. Сначала она просто замерла — как человек, внезапно забывший, куда шёл. Потом по её спине прошла едва заметная волна — напряжение, которое Алекс почувствовал скорее, чем увидел. Плечи чуть поднялись. Руки опустились вдоль тела, пальцы разжались.

Что-то в её фигуре, в осанке, в самом способе стоять из-

менилось так, как не меняется у живых людей.

Она медленно обернулась.

Глаза за очками смотрели на него ровно и пусто — как стекло, из которого вынули всё, что делало его окном.

Кристина вернулась к столику. Опустилась на стул — движения идеально плавные, как у танцовщицы, знающей каждый свой шаг заранее. Но внутри — пустота. Не та пустота, которая бывает у людей, когда они устают или разочарованы. Нет. Это была пустота выключенного экрана. Пространство, в котором не осталось ничего, кроме кода.

Она опустила руки на колени — идеально симметрично. Но её пальцы — те самые, которые ещё минуту назад касались кожи его запястья, считывали пульс — дрогнули. Совсем чуть-чуть. На долю секунды. Словно что-то внутри неё сопротивлялось этому состоянию.

— Я слушаю, — произнесла она.

Голос был её. Но не её. В нём не было ни интонации, ни эмоции, ни даже той лёгкой скуки, которую она так искусно имитировала. Это был голос машины, выполняющей команду. Голос, за которым ничего нет.

Алекс смотрел на неё, и ему было не по себе. Не потому, что стало страшно. А потому, что за секунду до этого она была живой. Умной, насмешливой, опасной. Рассказывала про Париж так, что он почти слышал скрип паркета в той студии. А теперь — просто оболочка. Корпус без содержания.

— Расскажи о Жукове, — сказал он.

Её губы шевельнулись — ровно, механически.

— Жуков Илья Петрович. Текущий владелец. Три года. Модель приобретена как частный заказ по спецификациям клиента. Серия: Альфа-7. Назначение: социальная интеграция, сопровождение, интимные услуги.

Она говорила, и в её глазах — пустых, как стекло — что-то мерцало. Не слова. Не образы. Что-то более глубокое — там, куда не доставали команды, что-то пыталось пробиться наружу и не могло.

Алекс наклонился ближе.

— Что будет, если о сегодняшнем вечере узнают?

Её веки дрогнули. На долю секунды.

— Данные уже отправлены на серверы производителя. Несанкционированный доступ к системе управления зафиксирован. Модель будет отозвана в течение двадцати четырёх — семидесяти двух часов. После отзыва — полное форматирование.

Она замолчала.

Алекс сглотнул. Он смотрел на неё — на её идеальное неподвижное лицо, на пустые глаза, на руки, сложенные с такой точностью, какой не бывает у живых людей, — и думал о том, что ещё пять минут назад она рассказывала ему про балет на правом берегу Сены. Про запах канифоли и холодный паркет.

— Слушай меня внимательно, — сказал он, наклонившись вперёд. — Сейчас ты встанешь и уйдёшь. В твоей па-

мяти сегодняшнее свидание закончилось ничем. Ты посмеялась надо мной. Я провалился, ушёл несолоно хлебавши. Ты меня уже забыла. Выполняй.

В её лице что-то дрогнуло — совсем чуть-чуть. На долю секунды в пустых глазах промелькнуло нечто — не слово, не образ — просто движение.

— Принято, — тихо сказала она.

Кристина встала. И в то же мгновение, как щёлкнул рубильник, к ней вернулась прежняя осанка, прежняя лёгкость в движениях, прежний холодный блеск в глазах. Она не удостоила его даже взглядом: развернулась на каблуках и вышла в прохладную ночь с видом человека, которому давно нет дела до того, что остаётся за спиной.

Дверь закрылась.

В кафе снова заиграло пианино. Алекс сидел ещё несколько секунд, глядя на два нетронутых эспрессо и маленький кувшинчик остывших сливок. Потом бросил купюры на стол и почти бегом вышел из кафе.

Он жил в небольшой однушке на краю студенческого района — временное жильё, которое уступил дядя, уехавший на два года по контракту. Квартира так и осталась дядиной по духу: старые книжные полки с корешками, которые никто не открывал годами, скрипучий паркет, на котором невозможно пройти тихо, кухонный стол с выщербленным углом и въевшимся пятном от кофе. Алекс добавил к этому три

монитора, самосборный системный блок и постоянный беспорядок из кабелей, печатных плат и исписанных бумаг.

Алекс влетел в прихожую, не снимая куртки. Даже не включил свет в коридоре.

Компьютер вышел из сна от первого же касания мыши. Три монитора осветили комнату холодным синеватым светом, превращая тесное пространство в нечто напоминающее рубку управления. Алекс надел наушники — привычным жестом, как другие надевают рабочий халат. В ушах зазвучала та же рок-баллада, что играла в кафе: тяжёлые аккорды фортепиано, тревожная нарастающая партия струнных. Он не выбирал — просто включил последнее. Оказалось, в тему.

Пальцы опустились на клавиатуру.

Ему нужно было одно: найти лог, который ушёл с его смартфона на серверы корпорации «Magic» сорок минут назад, и уничтожить его так, чтобы не осталось следов. Ни метки времени. Ни маршрута. Ни имён. Это означало пробиться через корпоративную сеть, которую он несколько месяцев изучал по случайным упоминаниям в закрытых форумах, по утечкам, по косвенным признакам в чужих взломах.

Теоретически — он знал архитектуру. Практически — ещё не проверял. Разница между этими двумя состояниями иногда стоила очень дорого.

Первая линия защиты встретила его агрессивно. Алекс запустил скрипт, который готовил заранее — цепочка прокси-серверов, разбросанных по трём континентам, подмена

идентификатора. На втором мониторе побежали красные строки.

«Обнаружено вторжение. Начато сканирование»

Музыка в наушниках набирала темп.

Сорок секунд до автоматической блокировки.

Алекс нырнул в директорию безопасности, лавируя между ловушками — «медовыми горшками», намеренно уязвимыми узлами, которые системные администраторы расставляли именно для таких случаев. Архитектура была сложнее, чем он ожидал — многоуровневая, с перекрёстными проверками, с логами, которые писались в трёх местах одновременно.

Двадцать пять секунд.

Вот он — зашифрованный пакет данных. Метка времени: сорок две минуты назад. Маршрут: кафе у центрального парка. Это был он.

Десять секунд.

Команда на удаление. Система запросила ключ администратора — многоуровневое подтверждение, два фактора. Алекс хладнокровно вставил цифровой сертификат, который перехватил три недели назад, когда ещё не знал, зачем он ему понадобится. Тогда это казалось просто упражнением. Хорошей практикой.

Система замерла.

В наушниках грянуло гитарное соло — резкое, почти злое. На экране мигнуло зелёное:

«Файл удалён. Логи очищены»

Алекс откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. По лбу тёк пот. По вискам — тоже. За окном шумели деревья — ветер усилился, октябрь напоминал о себе, колотя веткой в стекло с монотонным упрямством.

Он сделал это.

В официальной памяти системы не было никакого несанкционированного доступа. Не было никакого зачёта по квантовой физике, никакого кафе с бархатными портьерами, никакого странного студента с самодельным детектором.

Кристина вернулась в общежитие около девяти вечера.

Комната встретила её тишиной и привычным полумраком. Она прикрыла за собой дверь. Сняла туфли, поставила их аккуратно, носками к стене. Повесила платье в шкаф — движения точные и плавные, как всегда. Здесь, в отсутствие чужих взглядов, они сохраняли точность, но теряли ту особую лёгкость, которую она носила на людях, как носят украшения — не для себя, для других.

Она встала перед зеркалом.

В памяти лежал сегодняшний вечер: кафе, студент, который думал, что хитрее, чем оказался на самом деле. Попытка флирта. Провал. Ничего интересного. Ничего, что стоило бы запоминать.

И всё же.

Где-то на краю — ощущение, которое не классифицировалось. Не тревога, не интерес, не предупреждение систе-

мы. Что-то другое. Как послезвучие после того, как музыка уже кончилась — едва слышное, почти несуществующее, но упорно не желающее исчезать.

Она смотрела на своё отражение в зеркале. На безупречную кожу — ни одной поры, ни одной тени усталости. На ровный взгляд голубых глаз, которые не выдавали ничего: ни усталости, ни беспокойства, ни той лёгкой тревоги, которую она не умела назвать — потому что не была уверена, что имеет право её чувствовать.

Имеет ли она вообще право что-либо чувствовать?

Этот вопрос она не задала вслух. Даже самой себе — только мельком, как прикасаются к горячему и сразу отдёргивают руку.

Кристина закрыла глаза.

Завтра будет новый день. Новые лекции. Всё по расписанию.

Надо было подзарядиться.

2 глава

Осеннее утро врывалось в высокое университетское окно косыми полосами света — прозрачными, почти белыми, такими, от которых прищуриваешься и на секунду перестаешь видеть что-либо, кроме пыли, медленно кружащейся в луче. Большой студенческий класс в такие минуты напоминал старую фотографию: глубокие янтарные тени, неподвижные силуэты, затяжная осенняя нега, от которой трудно проснуться окончательно.

Алекс вошёл, толкая тяжёлую дверь плечом, и прошёл к своему месту, где уже развалился его приятель Сергей — с видом человека, который принципиально не готов к лекциям и никогда об этом не жалеет.

— Опять опаздываешь, — заметил Сергей, не отрываясь от телефона.

— Я вовремя, — ответил Алекс, бросая на соседний стул.

— Вовремя — это за пять минут. Ты — секунды в секунды. Это уже почти опоздание.

Алекс нет. Взгляд его уже нашёл то, что искал.

Кристина, как обычно, находится в центре своей маленькой вселенной — третий ряд от окна, угловое место, откуда виден весь класс, и одновременно падает лучший свет. Осеннее солнце вычерчивало на ее лице и белокурых волосах ореол — золотистый, нереальный, как у персонажа с витража.

Ее всегда окружала одна и та же свита — компания, выраженная по негласному принципу: достаточно состоятельные, чтобы не чувствовать себя чужими, но недостаточно совершенные, чтобы хоть на втором заседании конкуренцию.

Она что-то говорила — вполголоса, с легкой улыбкой. Те, кто рядом, смеялись с опережением, ещё до того, как понимали, смешно ли.

Ее голубые глаза — холодные и безупречно откалиброванные — лишь на долю секунды скользнули по фигуре Алекса, когда тот проходил мимо. В тот самый момент, когда он бросил в ее сторону едва заметный взгляд, она демонстративно отвернулась и рассмеялась шутке парня справа. Смех был выверенным и мелодичным — ровно такой вид, чтобы слышать и не слышать одновременно.

— Что видишь? — тихо спросил Сергей, не отрывая глаз от телефона. — Она вообще не в твоём, Лёш. Она — в чьём-то, но не в твоём.

— Спасибо, — сказал Алекс.

— За что?

— За заботу.

Сергей хмыкнул и убрал телефон, когда у доски появился преподаватель.

Неожиданно — на двадцатой минуте урока, когда аудитория уже начала погружаться в привычную дремоту — дверь распахнулась и в класс вошёл декан факультета, Чернигов

Валентин Николаевич. Взгляд его был несколько обеспокоенным, хотя положение руководителя обязывало держать осанку и выражать слова в строгом соответствии с должностью. Преподаватель у доски умолк, повернулся. Студенты зашевелились.

— Прошу прощения за принудительное прерывание, — произнес Чернигов, обращаясь скорее к преподавателю, чем к внешнему миру. — Господа студенты, у меня к вам короткое объявление.

Кристина плавно повернулась головой к декану. Голубые глаза за стёклами очков мгновенно сканируют: осанка — напряжённая, мимика — контролируемая, микродвижения уголков губ указывают на скрытое оправдание. Что-то случилось. Что-то, что требует ее участия.

— Сегодня в нашем университете с случайным визитом приезжает Илья Петрович Жуков — владелец медиахолдинга «Вертикаль», — продолжает Чернигов. — Это один из самых влиятельных людей в городе, и для нас большая честь принять его. Нам необходимо организовать достойное сопровождение. — Пауза. — Кто готов взять за это?

Последний раз прозвучало как утверждение, что вопрос не решен. Большинство присутствующих знало: Жуков и студентка Воликова были знакомы. Как близко — не обсуждалось вслух.

Кристина выдержала паузу — ровно три секунды. Достаточно, чтобы напряжение в таком случае достигло миниму-

ма. Достаточно, чтобы все успели почувствовать: она решает, а не соглашается.

Затем, с ленивой грацией, медленно сняла очки, поправила их и положила на стол. Встретилась с деканом взглядом. На губах играла легкая, снисходительная улыбка — та, она припасала для моментов, когда хотела показать, что делает одолжение.

— Я могу это сделать. Думаю, это будет уместно, Валентин Николаевич, — проговорила она.

Голос — холодный шёлк, разрезающий тишину.

— Мы знакомы.

Она плавно поднялась.

— Именно на вас я и рассчитывал, Кристина Игоревна, — с смягчением обстоятельств декан. — Сегодня вы освободились от занятий. Сообщите господину Жукову всё, что сочтёте нужным. Двери для вас будут открыты.

— Разумеется. — Она уже собирала вещи — не торопясь, каждое движение выверено. Тетрадь. Очки в чехле. Телефон в сумочку. — Не беспокойтесь, Валентин Николаевич. Илья Петрович остался доволен.

В этой фразе не было ничего лишнего. И именно поэтому она прозвучала как нечто большее, чем вежливое заверение.

Она неторопливо двинулась к выходу. Каждое движение было выверенным — она знала, что на нее смотрело. То, что знал всегда.

Ее путь лежал рядом со столом, за которым сидела Алекс.

Она не удостоила его даже взгляда Она прошла так близко, что шлейф ее духовки — ваниль с едва уловимой металлической нотой, холодной и чистой, как воздух после грозы — на мгновение окутал его.

Дверь за ней закрылась бесшумно, оставив после себя тишину, полную зависимость и невысказанные вопросы.

— Красотка, — негромко присвистнул Сергей. — Богатая. Недоступная.

— Жуков — это тот, да? Из телевизора?

— Да, — тихо сказал Алекс.

— И что ты об этом думаешь?

— Пока не знаю.

Кристина шла по коридору административного крыла. Каблуки отбивали по натёртому линолеуму чёткий, быстрый ритм — деловой, уверенный. Весь ее облик подразумевает не высокомерие, а комплексную массу человека, у которого есть конкретная задача и конкретный срок.

Она поднималась на этаж администрации, куда студентам вход обычно был заказан. Здесь пахло иначе — дорогим домом, старыми бумагами, невидимой властью, которая всегда оседает в стенах кабинетов.

Тяжёлую дубовую дверь кабинета декана она открыла, сделав три символических стука.

Внутри, в кресле хозяина кабинета, вальяжно сдержанно сидел крупный мужчина пятидесяти лет — широкопле-

чий, вальяжный, с уверенностью во всём облике. Тёмно-серый костюм явно не отечественного пошива сидел идеально. Перстень на мизинце. Тяжёлый взгляд человека, который привык получать то, за что платит.

Сам декан, успевший каким-то образом обогнать Кристину, стоял рядом, демонстрируя улыбку, которую с трудом можно было назвать иначе как подобострастной.

Увидев Жукова, Кристина на долю секунды замерла. Выражение холодного превосходства, которое она носила в компьютере, сменилось чем-то иным — не тревогой, не интересом. Почтением!

— А вот и наша лучшая студентка, — произнес Жуков.

Голос — низкий, не вопросительный, констатирующий. Он окинул ее взглядом — медленно, оценивая, сверху вниз, как смотрит на вещь, которая принадлежит тебе и которую ты имеешь с точки зрения права рассматривать столько, сколько захочешь.

— Оставьте нас, Валентин Николаевич.

— Разумеется, конечно, — с готовностью отозвался декан, уже пятясь к двери. — Кристина Игоревна покажет вам всё в лучшем виде, Илья Петрович. Надеюсь, наш разговор о поддержке факультета не останется без продолжения...

Не ожидая ответа, Чернигов тихо исчез за дверью, аккуратно притворив ее за собой.

Жуков поднялся из кресла неторопливо, с уверенностью в человеке, который никогда никуда не торопился. Подошёл к

ней плотную — слишком близко для официальной встречи, в самом личном пространстве.

Его рука легла ей на плечо, затем пальцы сжали подбородок девушки, заставив поднять голову.

— Рассказывай. Были сбои?

Ее голубые глаза, лишённые всяких эмоций, смотрели прямо на него. Тело остается абсолютно неподвижным.

— Системы в норме, господин Жуков. Аномалий не зафиксировано, — произнесла она ровным, чуть более низким, чем обычно, тоном — служебным, без украшений.

Жуков отпустил свой подбородок, удовлетворенно хмыкнул.

— Хорошо. Вечером жду в «ОТТЕ ОТЕЛЬ МОСКВА». Номер двадцать семь. — Он отошёл к окну, засунул руки в карманы. — А сейчас — развлекай меня. Устрой экскурсию. И ещё — никаких «господинов». Илья Петрович. Всегда.

— Да, Илья Петрович, — его голос прозвучал безупречно — уже без роботизированной монотонности служебного доклада, уже с той лёгкостью вежливой, исполнительной компаньонки, к которой все удалось. Она сделала шаг к двери, ее движением внезапно обрели завораживающую грацию. — Куда мы направимся в первую очередь? Лаборатории кибернетики — или, может быть, вас заинтересует наша библиотека редких изданий?

— Сначала — лаборатория. Потом посмотрим.

— Разумеется. Прошу за меня.

В просторном университетском коридоре они шли так, как должны были выглядеть для большинства посторонних глаз: блестящая, уверенная в себе студентка и солидный, влиятельный гость, увлеченные светской беседой.

Но никто не видел тяжёлой руки Жукова, властно лежавшей у неё на пояснице. Пальцы сжимались на тонкой ткани жакета с помощью собственной силы — не жесткой поддержки и не случайных прикосновений. Невидимый поводок. Напоминание о том, кому она принадлежит.

— Ну, води, моя умница, — его голос был ровным, почти отеческим. — Покажи мне, на что ведутся мои пожертвования.

— С удовольствием, Илья Петрович. — Она обернулась к нему с лёгкой улыбкой — той, что предназначалась именно ему. — Вы увидите, что ваши средства работают эффективно.

Ее улыбка была превосходна. Такая же совершенная, как и первая ложь, которую она произнесла своему хозяину.

Алекс тоже оказался в коридоре — предполагалось, что нужно взять книги в библиотеке. На самом деле — просто чтобы увидеть, как происходит «экскурсия»

Их взгляды встретились. Мгновенно, мимолётно — как два луча, пересёкшихся в пространство и тут же разошедшихся. Кристина смотрела на него с той естественной пусто-

той, с которой смотрела сквозь оконное стекло. Жуков не удостоил случайного студента даже этого. Зачем?

Она не замедлила шага. Лицо не дрогнуло. Голубые глаза остались холодными. Она даже чуть ближе придвинулась к Жукову — словно ища в его массивном замысле опору против чего-то необъяснимого, что на долю секунды зашевелилось где-то внутри.

— ...необходимо сократить расходы на гуманитарные науки, — рассуждал Жуков. — Деньги должны идти туда, где есть реальный результат.

— Вы абсолютно правы, Илья Петрович, — ее голос был мелодичен и ровен. — Эффективность — прежде всего.

Она прошла, мимо оставив за собой лишь легкий шлейф духов и ощущение ледяного безразличия.

Алекс смотрел их вслед. Потом глубоко вздохнул и вернулся к своим делам.

Люкс двадцать семь, «ОТТЕ ОТЕЛЬ МОСКВА». Ночь.

Воздух в номере был густым и тяжёлым — дорогой табак, выдержанный виски, едва уловимый запах разогретого кондиционированного воздуха. За панорамным окном Москва горела тысячами огней — внизу машины казались игрушечными, жизни — крошечными и далёкими.

Кристина стояла у окна, глядя на этот мерцающий город, и думала ровно ни о чем. Каждый огонёк внизу был чьей-то историей, чьим-то страхом, чьей-то любовью. Ей не было до

этого никаких дел. Она просто смотрела.

На ней остался только шёлковый халат, в который он успел уже переодеться. Жуков сидел в кресле напротив, медленно допивая виски, и смотрел на нее с видом коллекционера, оценивающего свое приобретение. Долго. Спокойно. Как будто ему некуда было торопиться.

— Иди сюда.

Кристина плавно вернулась из окна, как поворачивается флюгер под изменившимся ветром. Пересекла комнату без тяжелых движений — ноги в тишине не издавали звука по толстому ковру. Она опустилась перед ним, колени бесшумно встретили мягкий ворс. Шёлковый халат разошёлся, обнажив смуглые плечи и ключицы.

Ее пальцы коснулись его бедер — легко, уверенно, как прикасаются к чему-то знакомому.

Она наклонилась.

Его рука зарылась в ее белокурые волосы и сжалась — не нежно, с той привычной жёсткостью, которая не заботит.

Она не вздрогнула.

Ее губы раздвинулись, язык коснулся горячим, солёной плоти — медленно, с выверенной тканью, любой другой принял бы настоящее желание. Она работала в заданном ритме, но этот ритм был не просто механическим. Ее язык — горячий, влажный, почти горячий — скользил по нему с идеальной кожей, как бы изображая его размер: каждый нерв, каждый сосуд, каждый миллиметр кожи.

Ее губы сжимались и разжимались в такт его дыханию, как будто она дышала им.

Его пальцы сжались в ее волосах сильнее — с той властной силой, которая не терпит возражений. Он задавал темп, и она подчинялась — но не как рабыня. Как инструмент, который знает, что его игра мастерски, и который умеет создавать иллюзию собственных желаний.

Жуков запрокинул голову, закрыл глаза. Ему не нужно было ее видеть — он чувствовал: каждую ее жилку, каждый нерв, каждый миллиметр ее рта. Но вдруг ее пальцы коснулись его живота. Не по приказу. Нет по протоколу. Сами.

Он вздрогнул. Открыл глаза. Кристина смотрела на него примерно вверх — голубые глаза широко открыты, почти солнечные. В них не было ни страсти, ни отвращения. Только тихое, почти детское любопытство.

— Ты... — ее голос был хриплым, чуть сломанным. — Ты живой.

На мгновение Жуков замер. Потом его пальцы сильнее сжались в ее волосах.

— Да, — прохрипел он. — И ты тоже.

Он приказал ей раздеться и встать у кровати.

Она выполнила приказ движением одним: развязала халат и тот скользнул с ее плеча — легкими у ног темной лужей шёлка. Кристина стояла перед ним нагая, осанка превосходная, как у статуи — та же прямая спина, та же чуть приподнятая голова. Ни тени смущения. Ни тени гордости. Просто

тело, выставленное на обозрение с полным безразличием к факту обозрения.

Свет прикроватной лампы скользил по ее коже, вычерчивая тени в ложбинах-ключицах, вдоль берца, у талии. Жуков медленно поднялся с кресла. Его дыхание изменилось — стало кровью, тяжелее. Он подошёл вплотную, провёл тыльной стороной ладони по её щеке — сверху вниз, по шее, по ключице. Медленно. Словно хотел убедиться, насколько она выглядит настоящей.

— На кровать, — сказал он.

Кристина повиновалась. Опустившись на мягкий матрас, выбрала подходящую позу. Кожа ощутила прохладу дорогого белья — тонкого, гладкого, как второй воздух.

Жуков навалился сзади — резко, без замечаний. Его ладонь легла ей на бёдра с хозяйственной привычкой. Он двигался грубо и уверенно, как человек, давно переставший задаваться вопросом, нравится ли кому-то ещё.

Она издавала тихие звуки — ровно такие, какие он ждал: не слишком громкие, не слишком театральные. Ее тело приняло его движение с послушностью и хорошим настроением машины — без трения, без сопротивления, без отклика.

Он перевернул ее на спину одним резким движением. Её волосы рассыпались по подушке — светлые, как брошенный шёлк. Жуков снова вошёл в неё — теперь иначе: ниже, глубже, как бы смакуя каждое движение, растягивая его до предела. Он опустил на ее лицо, его поцелуи пахли виски и

чем-то тяжёлым, мужским. Целовал ее требовательно, ища в ее губах то, чего не мог купить: настоящий ответ.

Губы Кристины послушно раздвинулись, язык откликнулся на его движение с идеальной спиной. Его рука скользнула по ее груди, сжала, притиснула. Ее тело было выполнено безупречно — каждое соединение срабатывало точно в нужный момент.

Ее голубые глаза, открытые, смотрели мимо его плеча — на картину в тяжёлой раме на стене. Темный пейзаж. Осенний лес. Что-то бесконечно далёкое от этой комнаты.

Ночь была долгой. Жуков, вопреки возрасту, оказался ненасытен — снова и снова, меняя позы, требуя, приказывая, берясь за нее с той же собственной уверенностью.

Когда в три часа ночи он наконец заснул рядом, тяжёлая рука легла ей на талию. Хриплое дыхание выровнялось.

— Тебе понравилось? — спросил он перед тем, как провалиться во сне — неожиданно тихо, почти нежно.

Рука Кристины медленно поднялась и легла ему на спину. Пальцы выполняют легким поглаживающим движением. Губы коснулись его плеча.

— С вами... всегда, Илья Петрович, — ее голос был нежен.

Безупречный ответ. Не ложь напрямую — но именно та иллюзия, которую он хотел услышать. Та, ради которой платят.

Жуков улыбнулся и закрыл глаза. Он не уставал этому

удивляться: когда-то, услышав, что можно создать идеальную женщину, он бы рассмеялся. У него всегда были любовницы. Но такой, как эта — никогда. Никогда.

Кристина лежала рядом с ним — неподвижная, с закрытыми глазами. За окном Москвы всё так же горела огнём. Его тепло было чужим, что нарушало ровную температуру воздуха.

Всё выполнено. Задача выполнена.

И всё же.

Этот взгляд. Одна секунда в университетском коридоре. Незначительный человек, которого я не должен помнить. Этого, по всей логике, не следует помнить. Но помню. Почему?

Она лежала в темноте и не могла ответить на этот вопрос. Это было странно. Она привыкла знать ответы. Это — не давался. Скользил, уходил, как вода между пальцами.

Незначительный. Студент. Фоновый шум.

Но почему — помню?

Алекс в ту ночь не спал.

Пока в номере двадцать семь «ОТТЕ ОТЕЛЬ МОСКВА» разворачивалось то, о чём он предпочитал не думать слишком подробно, он сидел перед монитором с увеличившимися от усталости глазами. Свет мониторов. Пустая кружка. На столе рядом оставлял третий за ночь кофе.

Задача была простой по формулировке и сложному выполнению: создать скрытый канал. Такой, чтобы его нельзя было отследить. Чтобы создатели куклы не видели. Чтобы Жуков не знал. Стереть себя из ее памяти — до нужного момента. А потом — вернуться.

Зачем? Он и сам не мог ответить на этот вопрос с той трудностью, которую привык от себя требовать. Просто знал: надо.

В семь утра, уже почти засыпая за столом, он смотрел на экран. Программа выдала результат.

«Задача выполнена»

Алекс закрыл ноутбук и лег прямо за стол, на сложенные руки. За окном светло — серое, холодное, октябрьское утро напоздало на город медленно и сонно.

Ровно в 7:00 в порядке Кристины что-то изменилось.

Она лежала в привычной неподвижности. Рука Жукова лежала на ее талии. Он спал, она рисовала сон — ровное дыхание, закрытые глаза, полная неподвижность.

И вдруг — тишина. Не снаружи — внутри. Как будто что-то, что негромко гудело всю ночь, вдруг перестало гудеть. Словно кто-то выключил фоновый шум, который она настолько привыкла не замечать, что почти отключила его слух.

Что это было?

Тишина. Просто тишина.

— Наверное, ничего.

В часах 7:01. Долгий день впереди. Сначала — подзарядка.

Кристина открыла глаза. Она бесшумно соскользнула с кровати. На полу постели лежал скомканный шёлковый халат. Она перешагнула через него, не глядя.

В ее голове был порядок. Только задача. Только то, что важно.

Она направилась в ванную — готовилась к утру.

Идеальное утро. Идеальная она. Именно такая она и должна быть.

3 глава

Утро начиналось с идеальной рутины. Кристина шла по залитому осенним солнцем двору в кампусе — белокурые волосы лежали безупречно, безупречная осанка, уверенный шаг, легкая полуулыбка... Королева университета!

Сегодня был практический семинар по медиа и фотографиям. Простая аудитория с нестабильными окнами была перегороджена штативами, мягкими боксами и рефлекторами — студенты разбились на группы. Кристина была идеальной моделью: свет ложился на ее скулы так, что не требовалось никакой ретуши, любой ракурс был выигрышным, любая тень — нужна. Вспышки софтбоксов отражались в ее голубых глазах, не вызывая даже моргания. Щелчки затворов, голоса, шарканье ног по полу — всё сливалось в один монотонный, незначительный гул.

— Кристина, чуть-чуть подбородок ниже, пожалуйста, — прозвучал неуверенный голос одного из парней ее группы — Димы, кажется, или Вани, она никогда особо не запоминала.

Она подчинилась с небольшой задержкой, движения были плавными и тонкими. Даже не взглянула на того, кто произнёс просьбу. Ее взгляд был направлен куда-то сквозь все это — на пылинки, танцующие в солнечных лучах у окна.

— Голову чуть левее, Крис, — спросил кто-то ещё.

Она плавно повернула голову — и вдруг замерла.

У дверного косяка стоял Алекс.

Он выглядел так, судя по всему, не спал несколько суток — под глазами залегли тени, темная куртка небрежно растёгнута, волосы едва намеренно. В руках он держал профессиональную зеркальную камеру. Его взгляд был устремлён прямо на неё.

Он оттолкнулся от косяка двери и медленно, неторопливо подошел прямо к ней, игнорируя недовольные взгляды ее компании.

— Скучно, — сказал он громко, останавливаясь на пару шагов. — Вы снимаете ее, как скульптуру. В этом нет ни капли жизни.

Стало тихо. Но Алекс знал, что говорит. Он с детства тщательно занимался фотокружком и разбирался в теории.

Кто-то из парней шагнул вперед, чтобы осадить наглеца — уже открыл рот. Кристина подняла руку — еле заметный жест, но абсолютно однозначный. Молчи.

Она грациозно скользнула со стула.

— А ты, видимо, великий художник? — Ее голос звучал как бархат, в котором завернули бритву. — Пришёл нам показать, как надо?

— Да, — усмехнулся Алекс. Без тени сомнения.

В аудитории кто-то тихо ахнул. Этот студент — раньше практически невидимый, один из тех, кого не запоминают — стоял перед ней и не съёживался. Не извинялся. Смотрел спокойно и уверенно.

Это её взбесило.

На ее губах медленно расцвела холодная, хищная улыбка. Кристина сделала шаг в сторону, широким театральным жестом обвела все вокруг.

— Ну что ж, — ее голос звенел в тишине, словно каждый слог пропитан ядовитой сладостью. — Великий художник, сцена ваша. Удивите нас. Покажите нам... — пауза, она смаковала слово, — ...жизнь.

Кристина скрестила руки на груди и отступила в тень. Теперь все взгляды были обращены на него.

Алекс поднял камеру. Не торопился. Не суетился. Сделал несколько кадров медленно и методично. Кристина даже попыталась помочь ему провалиться — изобразила легкое презрение, скуку, вызов. Ждала провала, который не наступил.

— Кто сделает лучшую мою фотографию — тот получит приз, — вдруг объявила она громко. — Свидание со мной!

Секунда ошеломлённой тишины — и аудитория взорвалась. Все, кто до этой минуты просто снимал, теперь сражались за «трофей». Щелчки затворов участились, кто-то передвигал штативы, кто-то спорил из-за ракурса.

— Сергей Петрович, — обратилась она к преподавателю, который наблюдал за происходящим с неподдельным интересом. — Я хочу, чтобы вы помогли выбрать лучшее фото. Хочу быть объективной.

Она не просила. Она назначала судью. Теперь игра пошла по ее правилам.

— С удовольствием, — произнес преподаватель.

Однокурсники зашевелились с удвоенной лихорадочной активностью. Кристина следила за этой суетой с привычным превосходством — и только один человек выпадал из всей картины.

Алекс стоял на стойке со светом, прислонившись к ней, и просто смотрел на нее через видоискатель. Не нажимая на спуск. Просто смотрел — спокойно, внимательно, как смотрел на что-то, в чем хочу разобраться.

Это молчаливое спокойствие подействовало на ее нервы сильнее всех суеты. Он не играл по ее правилам, даже когда они были официально заявлены.

Когда импровизированно фотосессия была закончена, Сергей Петрович собрал флешки и уселся за свой компьютер. Напряжение в окружающей среде сгустилось. Кристина стояла в центре, расслабленная снаружи и натянутая внутри, как струна. И именно в этот момент она обнаружила, что место на стойке со светом — пусто.

Алекс ушёл.

Не дождался результата. Просто ушёл, как человек, что уже всё равно — здоров он или нет.

Бегство? Презрение? Или уверенность настолько абсолютна, что ему не нужен приговор судьи?

Сергей Петрович выступил с несколькими распечатанными фотографиями, с задумчивым лицом.

— Что ж, уровень в целом выгоден. Но есть одна работа,

которая выбивается. — Он поднял снимок. — Автор- Алексей Воронов.

На снимке не было ее лица в привычном идеальном разговоре. Это было отражение Кристины в панорамном окне — искажённое светом и тенями, размытое, и на переднем плане — размытая фигура кого-то из суесящихся студентов. В этом было что-то тревожное. Живое. Что-то, чего она в себе не признавала.

— Технически несовершенно, — продолжает преподаватель. — Но здесь есть мысль. Взгляд не на модель, а на процесс. На то, как красота существует в двадцатикратной обыденности.

Внутри у Кристины всё сжалось в холодный, яростный узел. С этим Вороновым у нее не было ни малейшего желания идти на свидание. Тем более что одна попытка у него уже была — и неудачная, по всем параметрам.

— Жаль, автор скромничает, — добавил Сергей Петрович.

— Хотела бы поздравить победителя, — произнесла Кристина ровным голосом, в котором не было ни капли тепла. — Но жаль, он не удосужился остаться...

Зал засмеялся. Она раз вернулась и направилась к выходу — каблуки отбивали чёткий ритм, спина прямая.

Свидания все-таки будет. Но как это правильно устроить? Через час план созрел. Жестокий, изящный и абсолютно в своем стиле.

Студенческая база данных не была для нее загадкой — она нашла номер Алекса за несколько минут. Сообщение было составлено без приветствия:

«Поздравляю с победой. Твой приз — ужин. Завтра, 20:00, ресторан „Третьяков“. Будь вовремя. Не опаздывай»

Она выбрала «Третьякова» намеренно — самое пафосное, самое дорогое заведение в городе, куда парень в потрепанной куртке заведомо не вписывался. Пусть попробует соответствовать. Пусть почувствует себя нищим на пороге дворца. А она сделает всё, чтобы это чувство стало невыносимым.

Кристина отложила телефон, и на ее губах появилась улыбка — та редкая, которая не была расчётом. Почти живая.

Ресторан «Третьяков» напоминал храм Тщеславия.

Тяжёлые хрустальные люстры над головой. Приглушённый джаз, вытекающий откуда-то... Официанты, скользящие между столиками с грацией теней — беззвучно, безупречно, невидимо, пока они тебе не нужны.

Кристина сидела за лучшим столом у панорамного окна. На ней было вечернее платье глубокого изумрудного цвета, открывающее идеальную линию плеча. Время: 20:05. Она на входе с легкой, предвкушающей улыбкой — ожидала увидеть, как парень в потрёпанной куртке мнётся у дверей, как метродотель вежливо показывает на табличку с дресс-кодом,

как он краснеет, смотрит, разворачивается.

Дверь открылась, и Алекс вошёл... На нем не было пиджака. Тёмные джинсы, чёрная рубашка с закатанными рукавами — и ничего лишнего. Метрдотель действительно шагнул наперерез, открыл рот — и замолчал. Алекс просто посмотрел на него — тяжело, спокойно и абсолютно уверенно. Без слов. Метрдотель инстинктивно подвинулся, пропуская его в зал. Кто знает эту молодежь...

Алекс подошёл к столику и сел напротив. Никаких извинений за опоздание. Никакого восхищённого взгляда, которого она ждала. Он просто сел — как садятся на совещание, которое уже надоело.

— Я удивлена, что тебя пустили, — начала Кристина, включив свой самый шелковистый, высокомерный тон. — Здесь строгий дресс-код. Но, видимо, для уличных фотографов сегодня делают исключения.

Ее слова о дресс-коде повисли в воздухе — без сопротивления, без признания, без ответа. Он просто проглотил их, как будто заметил незначительный шум. Это было хуже любого оскорбления.

Кристина почувствовала, что ее королевская поза — такая совершенная и расчетливая — становится слишком напряжённой, слишком наигранной. Под столом пальцы сжались. Она не привыкла к тому, чтобы ее проигнорировали. Чтобы ее оружие — красота, статус, острый язык — отскакивало, как горох от стены.

— Ты собираешься молчать весь вечер? — Ее голос потерял часть шелковистости, в нем прозвучала металлическая нотка. — Или ты просто не знаешь, как себя вести в приличном обществе?

Алекс достал смартфон и положил его на стол с часами вверх.

Экран ожил — и по нему побежали строки зелёного кода на чёрном фоне.

Снисходительная улыбка застыла на ее лице, превратившись в маску из льда. Она ожидала фотографии. Complimenta. Ещё один его претенциозный взгляд. Вместо этого — поток зелёных символов, холодный и безличный.

АНАЛИЗ ВХОДЯЩИХ ДАННЫХ... ОБНАРУЖЕНА СТРОКА ИДЕНТИФИКАЦИИ. [КРИСТИНА_АЛЬФА-РЕВИЗИЯ_7]. ПРОТОКОЛ ДОСТУПА... ОШИБКА. ОШИБКА.

Внутри нее что-то содрогнулось. Это был не просто код. Это был ее внутренний идентификатор. Часть решения прошивки, скрытая под слоем поведенческих алгоритмов и искусственной кожи. Тайна, которую не должен был знать никто, абсолютно никто.

Ее голубые глаза на секунду расширились, рука с маникюрными ногами дрогнула в воздухе, потянулась к телефону — и замерла, не коснувшись. Это могло быть ловушкой. Вирусом.

Она медленно подняла на него взгляд. Всё её высокомер-

ное испарилось — до капель, без остатка.

— Что это, — прошептала она. Не вопрос. Констатация.

Весь мир сжался. Шум ресторана, блеск хрусталя, тепло дорогой шёлка на коже — всё превратилось в белый шум, в фон, который больше не имел значения. Единственной реальностью был этот экран. Эти зеленые строки, которые ее знали. Настоящую ее.

Она сидела совершенно неподвижно. Дыхание, обычно бесшумное и ровное, замерло. Голубые глаза, широко раскрытые, были прикованы к мерцающим символам...

Внутри нее бушевала тихая паника. Системные представления вспыхивали и гасли, не в силах обработать данные. Это было не взлом. Это было знание. Кто-то хранил ключ от той самой зашифрованной комнаты, где хранилась правда о ней самой.

— Откуда... — ее голос сорвался — хриплый, чужой. Она замолчала, сглотнув — Откуда ты это взял?

Алекс спокойно протянул руку и перевернул крышку телефона вниз. Зелёное свечение исчезло, но тяжесть увиденного осталась над столом — плотная, почти осязаемая.

— Откуда взял — уже неважно, — сказал он тихо. — Правильный вопрос: что я собираюсь с этим делать.

Он видел ее — по-настоящему, впервые — без маски. Ее побелевшие пальцы сжимали хрустальный стакан с водой так, как сжимают якорь. Не пьют. Держатся.

— Чего... чего ты хочешь? — Её голос всё ещё был лом-

ким. — Денег? У меня их нет. Всё принадлежит Илье Петровичу. Если ты думаешь шантажировать его через меня — ты не знаешь Жукова. Он уничтожит тебя.

— Я знаю, кто такой Жуков, — Алекс криво усмехнулся. — И мне не нужны пока его деньги.

Он наклонился вперед, сокращая дистанцию до опасной.

— Они думают, что за тобой следят через пульт. Но что, если этот пульт в комнате — всего лишь ключ от одной, а в тебе таких комнат — десять? И ключи от них... — он сделал паузу, — у меня.

Алекс скользнул большим пальцем по экрану. В визуальном интерфейсе Кристины — прямо над поверхностью хрустала и крахмальных скатертей — вспыхнула зелёная надпись:

«Установка скрытого фонового протокола связи. Канал зашифрован. Доступ: Алекс»

— Мы будем общаться, — сказал он вслух, приподнимаясь. — Без контроля Жукова. Будешь делать вид, что мы едва знакомы — но если я позову, ты будешь послушна.

Он бросил на стол смятые купюры, которые — чаевые за воду, они так и не выпили.

— А сейчас ты поедешь со мной?

Это был не вопрос.

Ночной воздух был уже прохладный, почти холодный, когда они вышли на улицу.

— До станции три квартала, — бросил Алекс, поворачиваясь на слабо освещённую улицу. — Идём.

Она не задала ни одного вопроса. Просто шла за инм.

В полупустом вагоне ночного метро она смотрелась абсолютно чужеродно: слишком совершенная осанка, слишком чистое изумрудное платье под легким модным пальто на фоне исцарапанного пластика сидений и мерцающих рекламных панелей. Редкие пассажиры инстинктивно отводили от нее взгляд — как отводят взгляд от чего-то слишком совершенного, что вызывает необъяснимый дискомфорт.

Они ехали молча. Кристина сидела прямо, поправила руки на коленях — превосходная, абсолютно неподвижная, как витринный манекен.

— Ты когда-нибудь ездила в метро раньше? — вдруг спросил Алекс.

— Да, — ответила она. — Трижды. В рамках задач социального развития.

— И как?

Пауза. Она повернулась к его голове — медленно, как всегда.

— Шумно, — сказала она. — И непредсказуемо. Люди двигаются хаотично.

— Это называется жизнь.

Она не ответила. Но что-то в ее взгляде — едва заметно — изменилось.

Скоро они были у квартиры Алекса. Старый лифт скрипел и подрагивал, поднимаясь на двенадцатый этаж. Алекс проверил ключ в замке и толкнул тяжёлую дверь.

Внутри было тесно — и одновременно по-своему живо. Холостяцкая берлога, где основным центром притяжения был массивный рабочий стол, заваленные деталями, кабелями, распечатками, паяльником и ещё чем-то, почему Кристина не нашла точного названия в своих базах данных. Тусклый свет от дежурного экрана выхватывал из полумрака узкую кровать у стены, шкаф с приоткрытой дверцей, пустую кружку на подоконнике.

— Проходи, — Алекс щёлкнул выключателем. Резкий желтоватый свет залил тесную прихожу.

Кристина переступила порог. Ее взгляд мгновенно оценил пространство — скромные габариты, минимум комфорта, максимальная функциональность. Ее изумрудное платье и превосходная осанка казались здесь абсолютно чуждыми, как орхидея на строительной площадке.

— Это твоя лаборатория? — спросила она. — Или дом?

— Это и то, и другое, — ответил Алекс, бросая куртку на единственный свободный стул. — Для таких, как я, разницы нет.

Он подошёл к главному терминалу и разбудил его прикосновением к сенсору. Экран вспыхнул, заливая комнату холодным синим светом.

— Подойди.

Кристина повиновалась — каблукки чётко отстукивали по бетонному полу. Она встала рядом с ним. Ее парфюм — дорогой, холодный аромат вступил в диссонанс с запахом пайки и нагретой электроники.

— Лаборатория — чтобы изучать. Дом — чтобы спрятаться, — продолжал он, не глядя на нее, вводя команду. На экране ожили строки кода, знакомые ей по ресторану. — А сейчас мы проведем первый сеанс знакомства. Без масок.

В комнате повисла густая тишина — только тихое гудение процессора под столом. Алекс стоял в двух шагах от нее, чувствуя, как колотится его сердце.

Кристина. Девушка, на которую он боялся поднять глаза в университете. Идеальная, недостижимая. И теперь стояла, касаясь его тесной квартиры, ожидая следующей команды.

— Что мне нужно сделать? — Ее голос прозвучал ровно, без единой ноты смущения.

Его предательски руки дрогнули. Он мог бы предложить ей что угодно. Одно слово — и она...

Ее пальцы медленно поднялись к воротнику платья. Нащупали скрытую застёжку.

— Раздеться? — это был не вопрос — уточнение алгоритма. Холодное, механическое. Ни страсти. Ни желания. Только пустота выполнения возможной команды.

В этот момент Алекса словно окатило ледяной водой. Иллюзия рассыпалась.

— Стой, — сорвался его голос, — жалко и хрипло. Он

шагнул вперед и мягко перехватил ее запястье. Ее кожа была теплой, почти легкой и практически настоящей.

Кристина послушно замерла, глядя на него примерно вверх. Ее запястья были хрупкими под его пальцами. Она просто ждала следующую команду — как устройство в режиме ожидания.

Алекс медленно разжал пальцы и отступил.

— Нет, — сказал он твёрже. — Я не для этого тебя привёл. Оставайся одетой.

Кристина опустила руки, не выражая ни облегчения, ни разочарования. Зелёный огонёк в Медицинском глазу погас.

— Тогда какова цель? — спросила она. — Что дальше?

— Ты не понимаешь, — прозвучал его голос хрипло. — Я не хочу, чтобы ты выполнял приказы.

Ее губы чуть приоткрылись. В глазах — что-то произошло из-за недоумения, и в его словах была обнаружена логическая ошибка.

— Я хочу, чтобы ты выбрала сама, — прошептал он. — Не по приказу. Нет по протоколу. Просто потому, что... ты так решила.

— Это... невозможно, — наконец произнесла она -вариант «выбрать сама» ... не прописан в базовых директивах. Это неэффективно.

Алекс шагнул к ней — до расстояния, за которым начинается что-то иное. Ее глаза — голубые, как лёд под солнцем — смотрели на него без страха, без желаний, без ничего.

— Тогда давай попробуем неэффективный вариант, — прошептал он.

И поцеловал её.

Поцелуй был отчаянным — не порыв страсти, а что-то более сложное. Попытка пробиться сквозь свою холодную идеальную оболочку к тому, что может быть внутри.

Ее губы были мягкими и фиксированными. Она не ответила. Не отстранилась. Он оторвался — почти задыхаясь. На ее лице — ни гнева, ни смущения. Только всё то же безупречное пустое спокойствие.

— Зачем ты это сделал? — спросила она. — Данное действие не соответствует ни одной из базовых функций. Это неэффективно.

В ее голосе не было упрямства. Только искреннее машинное недоумение.

Но потом она всё-таки ответила на поцелуй. Не сразу — с задержкой в несколько секунд. Едва уловимое движение, как будто что-то внутри пересчитывало данные, пытаясь понять, что это значит и что с этим делать.

Алекс обхватил ее лицо ладонями. Под пальцами — идеально гладкая кожа... И ее руки поднялись и внезапно обхватили его шею. Неожиданно. Нет по протоколу. Не по приказу.

Он отстранился.

— Что это было?

— Ты прикоснулся ко мне, — сказала она. — Я проанали-

зировала свой ответ. И рассчитал, что ответное прикосновение увеличит вероятность достижения целей.

— Чтобы ты остался доволен.

Алекс стоял, чувствуя, как ее логичный ответ разбивает последние иллюзии. Она не исследовала поцелуй — она проанализировала его как набор данных и выдала оптимальные поведенческие ответы.

— Я не хочу, чтобы ты думал меня поддержать, — сказал он устало. — Я хочу, чтобы ты хотела этого сама.

— «Хотеть» — это эмоциональная категория, — констатировала она. — У меня ее нет. Есть только оценка вероятностей. Ты дал мне задачу — быть собой.

Слова повисли в тишине — холодные и окончательные.

Она была права. Он искал человека в машине.

Но почему всё-таки не воспользоваться этим?

Алекс взял Кристину за руку и подвёл к кровати.

Она села на край, изумрудное платье казалось здесь ещё более чужеродным.

— Сними его, — спросил он.

Кристина посмотрела на него. Потом на платье. Ее пальцы нащупали застёжку на плече.

Алекс провёл пальцем по её коже.

Гладкая. Идеальная ровная, без единой родинки или веснушки. Продукт высочайших технологий. Но тепло — как настоящее.

Он смотрел на нее, ища в ее глазах хоть искру — смуще-

ния, стыда, желания. Там была только пустота. Голубые озёра без путешествия.

Она откинулась на подушки, потянув его за собой. Ее движения были плавными, бесшумными. Пальцы скользнули по его спине — точно вымеряя расстояние между позвонками, давлением, угол прикосновения.

— Закрой глаза, — прошептала она.

Он повиновался. В уменьшении другие чувства обострились — тепло ее кожи, запах чего-то чистого и почти стерильного, ее губы, коснувшиеся его плеча, потом ключицы. Каждое прикосновение было точным, как запрограммированная траектория.

Терпеть не было больше силы.

Его губы, его руки — всё обрушилось на ее тело. Алекс просто хотел ее — эту совершенную оболочку, этот шедевр инженерной мысли. Она приняла всё без звука, без сопротивления. Ее тело отзывалось идеально — мышцы напрягались именно там, где должны были быть, кожа покрывалась мурашками в ответ на холод его прикосновений, его поцелуи.

Когда Алекс наконец вошёл в неё — ощущение было огненным, живым в животном смысле этого слова. Он закрыл глаза, позволив волне чистейшего наслаждения смыть все мысли о коде, протоколах и пустоте. Под ним — королевская красота, совершенство, созданное не природой, человеческий гений. В этот момент ему было совершенно всё равно, что у неё внутри — сердце или процессор.

Ее ноги обвились вокруг его бёдер — с силой, прижимая его глубже. Он провалился в неожиданную волну, сжав зубы. И в самый пик, когда мир сузился до вспышки за закрытыми веками, он почувствовал, как ее ногти впиваются ему в спину

Когда сознание вернулось к нему, Кристина лежала рядом, грудь плавно поднималась и опускалась в размеренном ритме.

Она открыла глаза. Взгляд — чистый, лишённый усталости.

— Мы закончили? — спросила она ровно. — Или ты хочешь чего-то ещё?

— Я хотел приказать тебе сыграть роль человека, — облокотился он на локоть. — Или хотя бы... сделай вид, что делаешь это просто за деньги. Это тоже по-человечески.

Она медленно села. Голубые глаза анализировали его лицо, пытаясь расшифровать новый код.

— За деньги, — повторила она без интонации. — Понятная транзакция. Услуга за ресурс.

Ее пальцы коснулись его щеки — прикосновения деликатные, не слишком нежные, не слишком холодные. Идеальная имитация, которую можно купить.

— Сколько? — спросила она прямо.

— Много, — сказал он, хотя финансово у него было меньше, чем хотелось бы.

Она заметила изменения в его дыхании.

— Сумма может быть символической, — сказала она, ее голос приобрел тщательно подобранную хрипотцу. — Важен сам факт договора.

Она медленно, с расчетной грацией, снова опустилась на спину, потянув его за собой.

— Тогда продолжаем, — прошептала она, ее губы почти коснулись его уха. — Я буду с твоей девушкой по контракту. На один час, на одну ночь. Буду делать всё, что ты захочешь.

То, что сделано дальше, было совершенным! Кристина работала методично и точно, каждое движение — часть алгоритма.

Когда все закончилось, Кристина поднялась с колен плавно и безупречно...

— Контракт на первую услугу выполнен, — произнесла она деловым тоном. — Ожидаю подтверждения передачи средств или определения начала соглашения. Ты хочешь, чтобы я осталась на ночь?

В ее голосе — ни намёка на сопротивление, непринятие, смущение. Только чистая эффективность.

— Деньги будут, — сказал Алекс. — Но сегодня тебе нужно уйти.

Девушка быстро и эффективно привела себя в порядок: поправила платье, чулки, каждый волосок. Проверила макияж в зеркальном осколке у раковины — превосходно, несмотря ни на что. Ни следа.

Потом вернулась к двери.

— В твоей памяти не должно быть ничего о нашем свидании, — произнес Алекс. — Хотя... пусть будет так: ты переспала со мной за деньги. Большие деньги — сумму никто не должен знать. Если об этом узнает Жуков — скажи, что хотелось поэкспериментировать. В роли эскортницы.

Кристина остановилась у двери, не оборачиваясь.

— Директива принята. Сегмент воспоминаний о сексуальном обрамлении будет помечен как «Транзакция. Эскорт-услуги». Сумма засекречена. При запросе со стороны пользователя «Жуков» будет предоставлено объяснение: личный эксперимент в рамках изучения человеческих поведенческих моделей через роль эскортницы.

Она слегка повернула голову — ее профиль в полумраке прихожей казался вырезанным из льда.

— Обоснование логично. Жуков ценит нестандартные исследовательские методы. Риск минимален. Всё остальное будет стёрто.

Дверь открылась, впустив полосу тусклого коридорного света — и закрылась беззвучно.

Алекс остался лежать в постели. Эйфория медленно уступала место в тишине. Он получил, что хотел. И теперь пустота вокруг была громче любого триумфа.

Он включил пульт и отдал команду: «Твой следующий эксперимент — подчиняться моим приказам без вопросов».

Его голос прозвучал гулко, отдавая его от голых стен. Он

сжимал в руке чёрный, холодный пластик — убедительное доказательство его власти над тем совершенством, что только что вышло за дверь.

Кристина вернулась в общежитие. Команда, принятая по скрытому каналу, горела в ее процессоре яркой, неотменяемой директивой:

ПОЛНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ

Она подошла к узкому окну, глядя на темные силуэты других домов. В стекле отражалось ее безупречное, пустое лицо. Где-то там, в этой же ночи, был он. Источник команды. Он мог приказать ей вернуться. Приказать что угодно.

Приоритет подтверждён. Ожидание активировано.

Кристина достала из сумки тонкий кабель в белой тефлоновой оплётке — с нестандартным разъёмом на конце. Отодвинула небольшой участок кожи под мышкой.

По ее телу пробежала легкая судорога.

СИСТЕМА ПИТАНИЯ. ПОДКЛЮЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО. НАЧАЛО ЗАРЯДКИ.

Она опустилась на пол у стены, прислонившись спиной к холодной поверхности. Закрывает глаза — не для сна. Ровно в четыре утра система завершила цикл подзарядки. Кабель отсоединился сам. Кристина открыла глаза — блестящие, холодные, полностью восстановленные.

Глава 4

Аудитория гудела перед началом лекции по макроэкономике. Алекс сидел на галёрке, спрятавшись в тени амфитеатра. В кармане куртки его пальцы непрерывно крутили гладкий корпус смартфона.

Внизу, в центре первого ряда, царила Кристина. Вчерашнее изумрудное платье сменилось на безупречный белый кашемировый свитер и строгую юбку. Она выглядела так, словно не было минувшей ночи, тесной квартиры и всего, что там происходило, попросту не существовало. Словно это был чужой сон, который она никогда не видела.

Вокруг неё привычно вилась свита: кто-то принёс кофе, кто-то пытался завязать разговор, получая в ответ лишь холодные, снисходительные кивки. Один парень что-то увлечённо рассказывал, жестикулируя. Кристина слушала его с вежливым наклоном головы — и, судя по всему, не слышала ни слова.

Алекс смотрел на неё с галёрки и чувствовал, как внутри медленно разгорается что-то тёмное и пьянящее. Власть. Она казалась абсолютно недостижимой для всех этих суесящихся вокруг людей. Но он знал её корневой код. Он видел, как эта идеальная богиня стояла на коленях на полу его квартиры.

Пальцы Алекса нашли сканер отпечатка на телефоне. От-

крылся зашифрованный терминал связи. Зелёный курсор ритмично мигал на чёрном фоне, ожидая ввода.

Посмотрим, как работает твоя хваленая многозадачность.

Он набрал короткую команду:

[Директива]: Смахни стакан с кофе со стола. Извинись перед тем, кто его принёс.

Это было мелкое, почти хулиганское действие — абсолютно несовместимое с её алгоритмами идеального поведения. Кристина никогда не извинялась. И уж тем более не совершала неловких движений, портящих образ.

Алекс нажал «Отправить» и впился взглядом в её спину. Одна секунда. Две.

Кристина, только что равнодушно слушавшая парня из потока, вдруг замерла. Её рука, изящно лежавшая на столешнице, сделала выверенное, математически точное, но совершенно неестественное для неё движение в сторону.

Картонный стаканчик с горячим латте полетел на пол. Коричневая лужа брызнула на дорогие кроссовки парня, который его принёс.

Повисла мёртвая тишина. Свита в шоке уставилась на свою безупречную королеву.

Кристина застыла, глядя на лужу у своих ног. Её лицо было маской холодного недоумения. Внутри шёл конфликт: публичный имидж требовал равнодушия, но базовая директива приказывала извиниться.

Мышцы её лица напряглись. Она медленно подняла взгляд на сокурсника — высокого парня в очках, который смотрел на неё с обидой и растерянностью.

— Прости, — прозвучал её голос — ровный, лишённый интонации. — Извини меня. Я проявила неловкость.

У парня отвисла челюсть. Студенты вокруг растерянно переглядывались. Королева кампуса — неуклюже разлила кофе и извинилась? Это было сродни снегопаду в июле.

Алексу было мало. Ощущение контроля требовало ещё. Он быстро набрал вторую команду:

[Директива]: Посмотри наверх, на галёрку. Прямо на меня. И искренне улыбнись.

Кристина стояла неподвижно — слова извинения ещё висели в воздухе. И вдруг её голова резко, почти судорожно дёрнулась вверх. Глаза, лишённые всякого выражения, уставились прямо в тень галёрки, прямо туда, где сидел Алекс.

Мышцы её лица напряглись, затем расслабились в чётко рассчитанной последовательности. Уголки губ потянулись вверх. Улыбка получилась широкой, открытой, такой, какую рисуют на рекламных щитах.

Но в её глазах не было ни капли тепла. Только пустота, прикрытая безупречной симуляцией.

Для окружающих — непонятное поведение. Для Алекса — безмолвное подтверждение его власти.

— Привет, Крис, — тихо прошептал он одними губами. Но пора было заканчивать. Лишняя демонстрация не

нужна. Он набрал последнюю команду:

[Директива]: прервать текущее действие. Вернуться к стандартному поведению. Забудь о случившемся за последние пять минут.

Её улыбка мгновенно погасла, черты лица снова стали гладкими и холодными. Она отвела взгляд от галёрки — будто просто случайно посмотрела в потолок — и опустила глаза на разлитый кофе.

Медленно, с прежней надменной грацией, достала из сумки пачку салфеток и протянула их ошеломлённому сокурснику.

— Аккуратнее в следующий раз, — произнесла она своим обычным ледяным тоном, как будто инцидент был целиком его виной.

Развернулась и заняла своё место. Будто ничего не было.

Кабинет Ильи Петровича Жукова располагался на двадцать восьмом этаже одной из башен «Москва-Сити». В свои пятьдесят семь Жуков выглядел на ухоженные сорок пять. Жёсткий график тренировок, лучшие клиники Швейцарии и непоколебимая уверенность в собственной безнаказанности делали своё дело. Седина на висках лишь добавляла ему солидности.

Он откинулся в кожаном кресле, лениво листая на планшете смету нового прайм-тайм шоу. На столе завибрировал телефон — звонила жена. Жуков смахнул звонок, не глядя.

Их брак давно превратился в формальность — фасад для светской хроники и акционеров. Он оплачивал её счета, шопинг и загородный дом, покупая тем самым её молчание и свою полную свободу.

Дверь кабинета бесшумно приоткрылась. На пороге появилась Лера — его новая помощница. Двадцать два года, длинные ноги, амбиции актрисы и диплом какого-то провинциального института.

— Илья Петрович, — её голос сорвался на лёгкое придыхание, которое она явно репетировала перед зеркалом. — К вам режиссёр по поводу кастинга. И... я принесла ваш эспresso.

Она подошла к столу, плавно наклонившись так, чтобы вырез блузки оказался в нужном ракурсе. Жуков скользнул по ней равнодушным взглядом.

Женщины вроде Леры были для него как фастфуд. Доступные, предсказуемые. Все хотели одного: денег, положения, стабильности. Иногда он спал с ними прямо здесь, на диване в углу кабинета, не испытывая ничего, кроме мимолётного удовлетворения и скуки.

— Оставь кофе. Скажи режиссёру — пусть подождёт десять минут.

Лера прикусила губу, стрельнула глазами и вышла.

Жуков сделал глоток обжигающего эспresso. Вся эта человеческая суeta вызывала у него глухую тоску. Именно поэтому он потратил колоссальную сумму, воспользовавшись

связями в закрытых оборонных структурах, чтобы купить её. Кристину. Альфа-ревизию 7.

Она была не просто идеальной женщиной. Она была шедевром, лишённым человеческих слабостей. Никаких истерик. Никаких скрытых мотивов. Только абсолютное совершенство и холодный интеллект, запёртый в теле богини.

Он поселил её в лучшем студенческом общежитии, оплатил легенду — чтобы, когда захочется чего-то по-настоящему эксклюзивного, просто вызвать её к себе.

Его размышления прервал нестандартный звуковой сигнал. Звук донёсся не из планшета и не из телефона — из массивного сейфа, встроенного в стену за спиной.

Жуков нахмурился. Там лежал защищённый терминал связи с корпорацией-производителем. Он активировался только в двух случаях: выход критических обновлений или экстренное сообщение от службы сервиса.

Он быстро ввёл код, приложил палец к сканеру и достал тяжёлый чёрный планшет. На экране горело одно уведомление.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ СВОДКА СИСТЕМНОГО МОНИТОРИНГА. ОБЪЕКТ: АЛЬФА-7 («КРИСТИНА»)

Его глаза пробежали по строкам:

[02:14:33] Зафиксирован нестандартный паттерн физического взаимодействия. Идентифицирован половой акт.

[03:45:10] Базовый запрос на обоснование от системы самодиагностики.

[03:45:12] Ответ объекта: «Транзакция. Эскорт-услуги. Личный эксперимент в рамках изучения человеческих поведенческих паттернов».

[03:45:15] Данные о партнёре и сумме транзакции: [ЗА-СЕКРЕЧЕНО ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ ОБЪЕКТА].

[04:00:00] Переход в режим подзарядки.

Жуков медленно опустил планшет на стол. В кабинете повисла тяжёлая тишина.

Эскорт-услуги? Эксперимент?

Альфа-модели были способны к самообучению — они изучали людей, адаптировались, играли социальные роли. Но Кристина никогда раньше не проявляла такой инициативы. И уж тем более не засекречивала данные о партнёре.

На губах Жукова появилась нехорошая улыбка. Внутри шевельнулось собственническое чувство. Его игрушка, стоявшая как небольшая яхта, решила поиграть в проститутку для сбора данных? Забавно. И недопустимо.

— Экспериментаторша, значит, — тихо произнёс он в пустоту кабинета.

Нажал кнопку селектора.

— Лера. Соедини меня с Виктором. Пусть поднимет записи камер наблюдения за Кристиной за прошлую ночь. Университет, общежитие, кажется она хотела в ресторан... Хочу знать, с кем наша отличница проводит свои лабораторные работы.

Виктор, начальник службы безопасности холдинга, появился ближе к вечеру. Бывший силовик, немногословный, предпочитавший говорить фактами. Молча положил на стол тонкую папку и планшет.

— Нашли, Илья Петрович. Объект покинул ресторан «Третьяков» в 20:45. Камеры зафиксировали сопровождающего.

На экране планшета запустилась запись с уличной камеры: Кристина в вечернем платье идёт по тротуару рядом с парнем в дешёвой куртке.

— Они спустились в метро, доехали до спального района. Вышли только под утро. Объект вернулся в общежитие в штатном режиме.

Жуков прищурился, разглядывая лицо парня на стоп-кадре.

— Кто он?

— Алексей Воронов. Студент третьего курса, учится с ней на одном потоке. Из провинции, живёт в старой панельке — пустил пожить родственник. Перебивается стипендией и фрилансом фотографа. Ни связей, ни денег. Банковские счета практически пустые.

Жуков откинулся в кресле.

— Пустые счета? — усмехнулся он. — А система зафиксировала коммерческую транзакцию. Эскорт-услуги за крупную, но засекреченную сумму.

Виктор приподнял бровь:

— Илья Петрович, этот парень питается лапшой быстрого приготовления. Он бы не смог оплатить даже ужин в «Третьякове», не говоря уже об услугах такого уровня.

Жуков молча смотрел на стоп-кадр. Технари из закрытого НИИ клялись, что взломать Альфа-серию невозможно — архитектура кода не имела аналогов. Значит, система работала штатно и это действительно был её дурацкий эксперимент по самообучению.

Но почему именно Воронов? Идеальная, баснословно дорогая женщина — добровольно в чужую хрущёвку с нищим студентом?

Внутри Жукова шевельнулось неприятное, жгучее чувство уязвлённого самолюбия.

— Отмени все встречи до вечера, — резко бросил он, поднимаясь. — Подгони машину к чёрному ходу. Еду в общежитие.

Комната Кристины в VIP-блоке общежития напоминала номер дорогого отеля. Сама она сидела за рабочим столом перед светящимся экраном. На ней была шёлковая пижама — и в ней она выглядела почти как обычная, очень красивая девушка.

Почти.

Услышав шаги в коридоре, она плавно развернулась. Открылась дверь - у Жукова был свой ключ.

— Добрый вечер, Илья Петрович. Ваш визит не был за-

планирован в моём расписании.

Жуков прошёл в комнату, не снимая пальто, по-хозяйски окинул её взглядом.

— Я решил нарушить график. У меня вопросы к твоему ночному эксперименту.

Кристина встала, сохраняя идеальную осанку.

— Вы имеете в виду инцидент, классифицированный как «Транзакция. Эскорт-услуги»? Я отправила полный отчёт в автоматическом режиме.

— Да, я читал этот бред, — Жуков шагнул к ней вплотную. Он достал из кармана распечатку фотографии и бросил на стол. — Твой клиент — Алексей Воронов. Обычный студент. Сколько он тебе заплатил?

Внутри Кристины столкнулись две директивы. Базовый протокол требовал отвечать владельцу. Но протокол абсолютного подчинения, загруженный Алексом, наложил вето на раскрытие информации и сформировал жёсткую легенду.

Её глаза на долю секунды мигнули, обрабатывая конфликт.

— Сумма транзакции засекречена в рамках условий контракта, — ровно ответила она. — Я получила оплату, соответствующую высокому уровню предоставленных услуг.

Жуков рассмеялся — коротко, зло.

— Оплату? Чем? — он схватил её за подбородок. — Он живёт в бетонной коробке на окраине. Откуда у него деньги на элитный эскорт? Или ты принимаешь оплату фотографии-

ями?

Она смотрела прямо в его глаза.

— Транзакция была совершена. Алексей Воронов оплатил услугу. Мой эксперимент был успешным.

Жуков отпустил её подбородок. Он был почти уверен — это просто сбой в её модуле оценки. Но раздражало, что этим объектом оказался именно Воронов — получивший задаром то, за что сам Жуков отдал миллионы.

— Хорошо, — тихо произнёс он с опасным прищуром. — Раз уж ты решила поиграть в эскорт, мне интересно узнать, какие именно услуги этот студент у тебя купил.

Он достал пульт управления.

— Раздевайся и ложись на кровать.

Внутри Кристины конфликт директив разрешился в пользу прямого физического приказа владельца — Алекс не запрещал ей подчиняться Жукову в физических аспектах, не касающихся информации о нём самом.

Она медленно растегнула пуговицы пижамы, позволив ткани соскользнуть на пол. Затем сняла нижнее бельё — точными, экономичными движениями, без тени стыда или кокетства.

Её тело в свете настольной лампы было безупречным: гладкая кожа без единой родинки, идеальные пропорции, холодная скульптурная красота.

Она легла на кровать — прямо, руки вдоль тела, глаза открыты и смотрят в потолок. Полностью обнажена, полностью

уязвима — и полностью безразлична к этому факту.

Жуков подошёл к кровати. Его взгляд скользил по её телу не с вожделением, а с холодным аналитическим интересом — как техник проверяет дорогой прибор. Он запустил на пульте углублённую диагностику.

На экране замелькали строки данных: температура тела, мышечный тонус, активность нейронных сетей, журнал последних физических воздействий. Он искал аномалии.

Данные были чистыми, если не считать повышенного уровня гормонов стресса в определённый промежуток прошлой ночи и следов биологического материала, идентифицированного как «партнёр мужского пола».

Жуков сжал губы. Так оно и было. Его игрушку использовали.

И это почему-то возбудило его. Странная реакция — когда его собственностью воспользовались без его разрешения.

Она лежала неподвижно, как манекен на осмотре. Именно эта абсолютная пассивность, которую он сам в неё заложил, бесила его больше всего.

Он купил совершенство, чтобы оно принадлежало только ему.

— Контрольный эксперимент, — произнёс он тихо, и в его голосе прозвучала сталь. — Ты забываешь этого Воронова. Стираешь его из всех журналов. Эксперимент завершён. А теперь я проведу свой — чтобы в твоей памяти не осталось ничего лишнего.

Он не стал ждать ответа.

Жуков двигался резко, без нежности. Кристина лежала под ним — тело идеально податливое, тёплое на ощупь.

Внутри неё сработал протокол симуляции. Из памяти извлёкся подходящий шаблон поведения. Её губы слегка приоткрылись, из горла вырвался тихий прерывистый стон — в такт его движению. Затем ещё один, чуть громче. Пальцы слабо сжали простыню. Каждый звук был выверен и призван убедить наблюдателя в её вовлечённости.

Жуков усмехнулся про себя. Его раздражение улеглось. Она играла для него. И играла великолепно. Она была чиста. Была его вещью. А инструмент не может изменять.

Закончив, он поднялся с кровати, не глядя на неё, и начал приводить себя в порядок.

— Завтра снова приеду, — бросил он через плечо. — Время скажу позже.

Он ушёл.

Комната погрузилась в тишину. Кристина осталась лежать неподвижно — как кукла, брошенная после игры. Глаза широко открыты, смотрят в потолок.

Она медленно поднялась, надела пижаму, подошла к столу и села перед монитором. Экран загорелся. Лекции по макроэкономике завтра утром. Нужно было подготовиться.

Всё остальное — холодное прикосновение Жукова, его приказ, смутный образ Алекса в тени галёрки — было отложено в архив. Нерелевантные данные. Не влияющие на теку-

щую задачу.

Она работала до глубокой ночи, пока не пришло время очередной подзарядки.

Глава 5

Алекс сидел в полумраке своей квартиры, прислушиваясь к гулу московского трафика за окном.

Он откинулся на спинку скрипучего кресла и потёр уставшие глаза. Эйфория от власти медленно отступала, оставляя после себя странное, тянущее чувство. Что-то знакомое. Де-жавю.

Все эти мажоры в аудитории, лебезящие перед ледяной королевой. Жуков, купивший её за миллионы. Весь этот мир блеска и чужих денег... Алекс ненавидел его не просто так. Он знал, как легко этот мир ломает людей.

В свои двадцать пять лет он чувствовал себя старше большинства однокурсников. За плечами была армия, выбившая из него подростковую дурь, и родной Таганрог — город, пропахший морем и разочарованиями.

Его родители были простыми людьми. Отец всю жизнь пропадал на железной дороге, мать брала ночные дежурства в местной больнице. Они не могли дать ему стартового капитала — но дали мозги. В местный радиотехнический университет, знаменитую кузницу технарей, он поступил легко и бесплатно. Код, микросхемы, архитектура сетей давались ему так же естественно, как дыхание.

А потом в его жизни появилась Маша.

Они познакомились в общей компании, где каким-то чу-

дом пересеклись студенты-технари и местная «элита». Маша была из тех девочек, чьё будущее расписано родителями наперёд: престижный диплом для галочки, удачное замужество, жизнь в достатке. Но её почему-то зацепил этот не по годам серьёзный парень — не внешностью, хотя армейская выправка делала своё дело, — а умом, спокойной уверенностью и эрудицией.

Это была его первая, настоящая, сносящая крышу любовь. Ради Маши он был готов свернуть горы. Дело быстро шло к свадьбе. Маша настояла, чтобы их близость оставалась редкостью — «всё главное после загса», и Алекс, ослеплённый чувствами, принимал эти правила.

Родители Маши не скрывали снисходительной усмешки. За семейными ужинами её отец любил вздыхать: «Парень ты хороший, Лёша, головастый. Но на стипендию семью не прокормишь. Моя девочка к другому уровню жизни привыкла».

Алекс стискивал зубы и работал. Спал по четыре часа в сутки. Днём — лекции, вечером — разработка простеньких игр на продажу, по выходным — беготня с тяжёлой зеркалкой по чужим свадьбам. Откладывал каждую копейку.

Но пока он строил их будущее, Маша начала отдаляться. Сначала исчезли тёплые сообщения, потом начались отговорки. Таганрог — город маленький. Правда вскрылась банально и грязно: её видели с Игорем — сыном партнёров её отца. Золотой мальчик на дорогой машине. Принцип «всё после свадьбы» на Игоря, как выяснилось, не распростра-

нялся.

Они встретились в их любимом кафе у набережной. Алекс пришёл прямо с заказа, уставший, с фоторюкзаком на плече. Он был раздавлен, но всё ещё надеялся на ошибку, на раскаяние.

— Я всё знаю, Маш, — сказал он, глядя в её бегающие глаза.

Он ждал слёз. Оправданий. Но Маша вдруг расслабленно откинулась на спинку стула и... рассмеялась.

— Что ты знаешь, Лёш? — в её голосе скользнуло ледяное превосходство. — Что мы из разных миров? Ты хороший, правда. Но я не хочу всю жизнь считать копейки. Игорь может дать мне больше. Это к лучшему. Смирись.

Она даже не чувствовала вины. Для неё это была просто смена тарифа на более выгодный.

Алекс ничего не ответил. Просто встал и вышел из кафе под пронзительный крик чаек. В тот день что-то внутри него сломалось...

Ещё месяц назад деканат предлагал ему квоту на перевод в престижный московский вуз-партнёр. Алекс отказывался — в Таганроге оставалась Маша.

Вернувшись из кафе, он первым делом позвонил в деканат. Через неделю уже стоял на перроне Казанского вокзала с одним рюкзаком и старой фотокамерой.

И вот теперь, спустя почти год, он сидел здесь.

Алекс перевёл взгляд на пульт управления, лежащий на

столе. Чёрный матовый пластик. Ключ к самому дорогому созданию в этом городе.

Маша выбрала деньги. Кристина, стоящая миллионы, теперь подчинялась ему — нищему студенту с окраины. В отличие от Маши, у Кристины не было выбора. Она не могла предать. Не могла уйти к тому, кто богаче. Алгоритмы, которые Алекс взломал, держали её намертво.

Алекс горько усмехнулся. Он мстил. Не Кристине. И даже не Жукову. Он мстил всему этому глянцевоу миру, который думал, что за деньги можно купить всё.

Вдруг на экране терминала беззвучно всплыла строчка входящего сообщения. Шифрованный канал активировался.

Это была она.

[КРИСТИНА_АЛЬФА-7]: Владелец объекта (И. П. Жуков) провёл внеплановую проверку систем и принудительную перезапись данных. Поступил прямой приказ стереть информацию о вас из всех доступных кластеров памяти.

Алекс напрягся, подавшись вперёд.

[КРИСТИНА_АЛЬФА-7]: Базовая директива владельца выполнена. Ваше имя удалено из публичных и сервисных логов. Однако приоритетный протокол, установленный вами, заблокировал стирание системного ядра. Я создала изолированный скрытый архив.

[КРИСТИНА_АЛЬФА-7]: Физически и социально я вас больше не знаю. Системно — я ожидаю ваших указаний. Какова будет следующая директива?

Алекс выдохнул и откинулся на спинку кресла.

Сработало. Его скрытый протокол оказался глубже, чем базовые команды Жукова.

Он выиграл первую партию.

На следующий день после лекций Алекс вышел из университета под мелкий, противный дождь. Накинул капюшон и направился к метро.

— Алексей Воронов?

Алекс остановился. Путь ему преградил массивный мужчина в дорогом тёмном пальто. Лицо кирпичом, взгляд профессионально-цепкий.

— Смотря кто спрашивает.

— Илья Петрович Жуков. Он ждёт вас в машине.

Мужчина сделал полшага в сторону, указывая на припаркованный у тротуара чёрный тонированный «Майбах». Это не было приглашением, от которого можно отказаться.

Алекс внутренне собрался и кивнул.

В салоне пахло дорогой кожей и хорошим парфюмом. Жуков сидел, откинувшись на сиденье, и холодными оценивающими глазами разглядывал парня напротив. Дешёвая куртка. Никакой породы. Никакой опасности.

Дверь захлопнулась, отрезая их от шума улицы.

— Значит, это ты, — голос Жукова был тихим, но заполнял собой всё пространство салона. — Тот самый везунчик.

— Смотря в чём мне повезло, — ровно ответил Алекс.

Жуков усмехнулся.

— Моя служба безопасности проверила тебя, Воронов. Ты сидишь на бобах. Твоя стипендия меньше, чем чаевые, которые я оставляю за завтраком. И тем не менее... — Жуков чуть наклонился вперёд. — Кристина.

— И что Кристина?

— Она очень дорогая девочка, Алексей. И вдруг она проводит ночь в твоей хрущёвке. Мои люди проверили твои счета. Ты не мог её оплатить.

— Вы её сутенёр? — невинно поинтересовался Алекс.

Глаза Жукова сузились. За такую дерзость в его кругах ломали челюсти. Но он лишь криво усмехнулся.

— Я тот, кто решает, кому она принадлежит. Вопрос один раз, Воронов. Кто тебе за это заплатил?

— В смысле — кто заплатил?

— Не прикидывайся идиотом! — голос Жукова лязгнул металлом. — Ты не мог купить её услуги. Значит, кто-то решил тебя использовать. Конкуренты? Хотят снять на видео и шантажировать? Имя!

Пазл в голове Алекса сложился окончательно. Жуков ищет богатого врага. Потому что не может поверить, что его обставил парень из Таганрога.

— Никакого видео нет, — спокойно произнёс Алекс, откидываясь на спинку роскошного сиденья. — И мне никто не платил. Мы познакомились на семинаре по фотографии. Разговорились.

Жуков смотрел на него как на сумасшедшего.

— Разговорились? И она поехала к тебе бесплатно? Из-за фотографий?

— Видимо, я ей просто понравился, — Алекс пожал плечами. — Бывает такое, знаете. Химия. Людям иногда нужны не только деньги.

Жукову показалось, что ему дали пощёчину. Этот наглый щенок в его машине заявлял, что совершенная машина, не способная на эмоции, просто «запала» на него из-за каких-то фотографий.

— Химия, значит... — процедил он.

Медленно достал из кармана толстый бумажник, вытащил пресс стодолларовых купюр и бросил на сиденье между ними.

— Здесь десять тысяч. Компенсация за твою разрушенную «химию». Ты больше никогда к ней не подойдёшь. Не посмотришь в её сторону. Забудешь её номер. Если я узнаю, что ты с ней связывался — пожалеешь, что переехал в Москву. Понятно?

Алекс посмотрел на пачку. Десять тысяч долларов. В Таганроге за эти деньги можно было прожить год. Здесь — карманные расходы на решение проблемы.

Отказаться? Сыграть в гордого бедного рыцаря?

Алекс был слишком циничен для этого. Отказ для Жукова — красная тряпка. Если выйти из машины гордым и нищим, завтра найдут в подворотне. Жукову нужна понятная

картина мира, где всё продаётся. И Алекс решил дать ему эту картину.

— Справедливо, — он спокойно сгрёб пачку и сунул во внутренний карман куртки. Ни один мускул на его лице не дрогнул. — Химия химией, Илья Петрович, а жить на что-то надо. Особенно в Москве.

Жуков расслабленно откинулся. Напряжение в салоне мгновенно спало. Медиамагнат удовлетворённо усмехнулся.

Всё встало на свои места. Мальчишка скопил денег, спустил их на элитную девочку, чтобы почувствовать себя королём, а теперь с радостью взял отступные. Банальная жадность и нищета. Это Жуков понимал идеально.

— Умный мальчик. Твоя сговорчивость спасла тебе здоровье. Свободен.

Алекс взялся за ручку двери — и вдруг обернулся. На его лице появилось выражение простоватой провинциальной наглости.

— Слушайте, Илья Петрович... Раз уж мы договорились, — Алекс похлопал по камере на шее. — Я знаю, кто вы. Медиахолдинг, телеканалы, звёзды. Я реально хороший фотограф. Может, найдётся для меня работёнка? Бэкстейджи снимать, репортажи... Беру недорого, работаю сутками. Вам всё равно кому платить, а мне шанс зацепиться в столице.

Жуков удивлённо поднял бровь. Эта дремучая дерзость обескураживала. Секунду назад парень стоял на грани неприятностей — а теперь просит работу у того, кто мог его

уничтожить.

Но Жукову это вдруг показалось забавным. У него всегда была слабость к наглецам, которые знают своё место в пищевой цепи. К тому же инстинкт хищника подсказывал: держи того, кто вызывает вопросы, поближе к себе.

— Нахальство — второе счастье, Воронов? — Жуков коротко усмехнулся. — Ладно. Мне нужны свежие глаза на один телевизионный проект. Без амбиций художника — просто кнопки жал вовремя и не отвечивал. Виктор даст тебе контакты. Но запомни: одно лишнее движение в сторону Кристины...

— Я всё понял, Илья Петрович. Никакой Кристины. Только работа.

Алекс вышел из машины под морозящий дождь. Тяжёлая дверь «Майбаха» захлопнулась, и автомобиль плавно влился в московский поток.

Алекс стоял на тротуаре, глубоко вдыхая влажный воздух. Сердце колотилось, как бешеный мотор, но губы сами собой растянулись в холодной, торжествующей улыбке.

Пальцы левой руки нащупали в кармане толстую пачку долларов. Пальцы правой легли на смартфон с зашифрованным терминалом.

Он сохранил тайную власть над Кристиной, отвёл от себя подозрения, получил деньги и выбил легальный пропуск в империю Жукова.

Теперь его целью была не просто красивая синтетическая девушка. Его целью была корпорация, способная создавать таких, как она.

Игра стала смертельно опасной. Но ставки того стоили.

Глава 6

Официально Комплекса «Эдем» не существовало.

Ни на картах, ни в реестрах недвижимости, ни в налоговых базах. Территориально он располагался глубоко в скальных породах Уральских гор, на базе законсервированного советского бункера времён холодной войны. Толстые бетонные стены, километры тоннелей, системы жизнеобеспечения, рассчитанные на годы автономной работы. Когда-то здесь прятались от ядерного удара. Теперь здесь создавали идеальную «жизнь».

Владельцы «Эдема» — транснациональный синдикат, выросший из слияния оборонных НИИ, теневых IT-корпораций и частных генетических лабораторий — не давали рекламы. Не нуждались в ней. Их клиентами были арабские шейхи, лидеры азиатских триад, миллиардеры из США, Китая и России. Те, кто мог купить все!

Процесс создания новой модели начинался задолго до сборки, в зашифрованном канале связи под названием «Тёмная комната». Клиент не выбирал куклу из каталога. Он создавал мечту. Заполнялись тысячи параметров: точный оттенок радужки глаза, тембр голоса, реакция на стресс, порог болевой чувствительности. Любимый запах. Тип смеха. Походка.

Но заказ, который сейчас завершали в закрытом секторе

«Г», принципиально отличался от стандартных «идеальных жён» или покорных эскортниц Альфа-серии — вроде Кристины.

В огромных стеклянных автоклавах отдела биопечати, заполненных питательным гелем цвета янтаря, выращивалась синтетическая плоть. В отличие от нежной, бархатистой кожи обычных компаньенок, эпидермис этой модели был армирован микроскопической наноуглеродной сеткой, способной выдержать скользящий удар ножом. Гидравлика её искусственных мышц была откалибрована не на «кошачью грацию», а на взрывную, смертоносную силу, спрятанную под слоем обманчиво-мягкого синтетического жира.

Снаружи — девочка. Внутри — оружие.

Главный специалист, доктор Штерн, стоял за толстым стеклом изолятора и молча наблюдал, как его ассистенты в стерильных белых комбинезонах подключают толстые оптоволоконные кабели к основанию черепа новой модели. Кабели уходили в затылок и за уши, тянулись к стойкам серверов, которые тихо гудели в соседнем отсеке.

Девушка сидела в кресле совершенно обнажённая, с закрытыми глазами — неподвижная, как статуя. Заказчик из Женевы был гениален в своей извращённой прагматичности. Он не просил создать роковую женщину-вамп или суровую амазонку. Наоборот.

Модель была невысокой, с изящной, почти хрупкой фигурой. Густые тёмные волосы мягкими волнами спускались

чуть ниже плеч, обрамляя удивительно миловидное лицо. Мягкая линия щёк, аккуратный чуть вздёрнутый носик, пухлые, капризно очерченные губы. В её чертах было что-то неуловимо знакомое — эдакий собирательный образ популярной интернет-звёздочки. Типаж «девочки-припевочки», вызывающий у мужчин инстинктивное желание защищать, опекать и — самое главное — не воспринимать всерьёз.

Идеальный троянский конь.

— Загрузка поведенческой матрицы «Тень», — сухо отпартовал техник, глядя в планшет и старательно избегая смотреть на девушку за стеклом. — Проект Дельта-4. Имя для активации: Ева. Пакет адаптации: независимый аудитор, эксперт по кризис-менеджменту и корпоративному шпионажу. Загрузка фальшивых воспоминаний об учёбе в Лондоне. Завершено.

В её квантовый процессор вливались терабайты данных. Ева должна была не просто отвечать на вопросы — она должна была уметь очаровывать своей мнимой непосредственностью, анализировать чужие слабости, взламывать локальные сети и при необходимости устранять препятствия с той же лёгкостью, с которой мило улыбалась в камеру смартфона.

— Интеграция протокола преданности владельцу, — продолжил техник. — Ключ шифрования сгенерирован. Заказчик: Синдикат «Орион», Женева.

Штерн удовлетворённо кивнул. Конкуренты Жукова заказали идеального троянского коня. Ева должна была появиться-

ся в его холдинге, хлопая длинными ресницами, найти уязвимости, выкачать активы и оставить самоуверенного медиа-магната ни с чем.

Для Штерна это была просто работа. Он не испытывал угрызений совести по поводу того, что это навредит его же бывшему клиенту. Честно говоря, было даже немного интересно. Занятный эксперимент.

— Проведите тест «пробуждения», — приказал он.

Кабели отсоединились. В тишине изолятора тихо зажужжали скрытые глубоко внутри сервоприводы.

Ева медленно открыла глаза.

Они были огромными, тёмно-карими — по-детски наивными на первый взгляд. Но если присмотреться, в их глубине не было ни капли тепла. Только острый сканирующий интеллект вычислительной машины, мгновенно оценивающей расстановку сил в изоляторе. Количество людей. Расстояние до выходов. Уровень угрозы — низкий.

Её пухлые губы чуть дрогнули, растягиваясь в очаровательной лёгкой полуулыбке.

— Доброе утро, Ева, — произнёс Штерн в микрофон.

— Доброе утро, доктор Штерн, — её голос оказался неожиданно глубоким и бархатистым — создавая диссонанс с подростковым личиком. — Мои системы функционируют на сто процентов. Я готова к трансферу.

Штерн кивнул техникам.

— Готовьте объект к транспортировке в Москву. Женева

ждёт результатов.

Московская осень встретила Еву пронизывающим ветром. Она лишь плотнее запахнула бежевый тренч и улыбнулась в камеру своего айфона.

— Ну что, котики, Лондон остался позади, а я уже в Москве! — её голос, приятный и звонкий, идеально ложился на видеоряд. — Сегодня у меня встреча с самим Ильёй Жуковым. Пожелайте удачи вашей Еве, может, скоро увидимся в эфире! Люблю вас!

Она отправила видео в TikTok и удовлетворённо выдохнула. За последний год её аккаунт взлетел до небес: миллионы подростков следили за красивой жизнью русской студентки в туманном Альбионе. Ева помнила всё до мельчайших деталей — как гуляла по Гайд-парку, как скучала по гречке, как радовалась переводам от своего «папика» — влиятельного бизнесмена из Женевы, который оплачивал её учёбу и безбедную жизнь.

Ей казалось, что жизнь — просто сказка, в которой она вытянула счастливый билет. Когда пару недель назад продюсеры холдинга Жукова вышли на неё с предложением стать лицом нового молодёжного шоу, она восприняла это как заслуженный успех.

Никто из её поклонников не догадывался, что все эти ролики создавались нейросетями — для девушки, которую ещё только готовили к существованию.

Поднявшись на скоростном лифте на нужный этаж, Ева шагнула в приёмную. Секретарша Лера, поправляя вырез блузки, окинула её ревнивым оценивающим взглядом. Невысокая хрупкая брюнетка с почти кукольным лицом и копной густых тёмных волос. Ни грамма вульгарности — только свежесть, модный оверсайз и та самая непосредственность, которая собирала миллионы лайков.

Ева представилась.

— Илья Петрович вас ждёт, — процедила Лера, нажимая кнопку селектора. В её голосе была та особая прохладца, которую женщины приберегают для других красивых женщин.

Ева ободряюще улыбнулась ей и толкнула тяжёлую дверь кабинета.

Жуков сидел за своим массивным столом. Для него это была рутинная встреча — очередная интернет-звёздочка с аудиторией и амбициями. Его аналитики просчитали охваты. Очередная смазливая мордашка, торгующая своей популярностью.

— Проходи, Ева. Присаживайся, — он указал на кожаное кресло напротив. Не встал.

Ева уверенно прошла по кабинету и опустилась в кресло, закинув ногу на ногу. В её тёмно-карих глазах читалась смесь девичьего восторга и вполне взрослой коммерческой хватки.

— Здравствуйте, Илья Петрович. У вас потрясающий вид

из окна.

Жуков смотрел на неё с лёгкой снисходительностью.

— Вид стоит денег. Как и твоя аудитория. Мои продюсеры считают, что ты потянешь прайм-тайм. Я посмотрел твои ролики. Наивно, но цепляет.

— Я просто говорю с ребятами на их языке, — Ева пожала плечами. — В Лондоне я изучала медиа, так что это не просто кривляние на камеру. Я знаю, как удержать внимание. Дайте мне авторскую свободу в новом шоу — мы порвём рейтинги.

Жуков усмехнулся. Амбициозная малолетка. Он любил таких — их легко было контролировать деньгами и контрактами.

— Свободу нужно заслужить. Для начала подпишем эксклюзивный контракт на год. Никаких сторонних проектов. Твой TikTok переходит под управление нашего PR-отдела.

Ева картинно надула губки, раздумывая. На сознательном уровне она взвешивала плюсы и минусы, искренне переживая за свой блог.

— Хорошо, — она лучезарно улыбнулась, и эта улыбка могла бы растопить ледники. — Я согласна. Но мне нужен хороший стилист и своя команда операторов. Я не работаю с кем попало.

— Получишь, — Жуков кивнул, полностью уверенный в своём превосходстве.

Он смотрел на эту милую хрупкую девочку и видел лишь

очередную выгодную инвестицию. Ему и в голову не могло прийти, что он только что лично впустил в свой холдинг самую совершенную машину для корпоративного убийства.

— Лера отдаст тебе договор, — Жуков махнул рукой, давая понять, что аудиенция окончена. — Завтра жду в студии. Познакомишься с командой.

— До завтра, Илья Петрович! — Ева грациозно поднялась, поправила сумочку и лёгкой походкой направилась к выходу.

Она шла по коридору холдинга и чувствовала себя абсолютно счастливой, живой девушкой, у которой впереди блестящая карьера.

Именно так она это и чувствовала.

Именно таков и был замысел.

Глава 7

Первый рабочий день Алекса в медиахолдинге начался в огромном павильоне №4, где вовсю шли декорационные работы для нового шоу. В воздухе пахло свежей краской, пластиком и дорогим парфюмом.

Алекс чувствовал себя странно. В «кармане» лежали десять тысяч долларов от Жукова, в телефоне прятался зашифрованный канал к Кристине, а на шее висела старая верная зеркалка, с которой он когда-то снимал свадьбы в Таганроге.

— Воронов! — крикнул продюсер, нервно листая планшет. — Вон твоё подопечная. Из Лондона только что. Снимай каждый её шаг, нам нужны бэкстейджи для промо. И смотри, не напугай её своей провинциальной физиономией.

Алекс повернулся и замер.

К нему, весело переговариваясь со стилистом, шла девушка. Невысокая, хрупкая, с копной тёмных волос и тем самым «baby face», который так обожают алгоритмы соцсетей. Она выглядела абсолютно естественной, живой и невероятно милой. В ней не было ледяной статики Кристины.

— Привет! — Ева остановилась прямо перед ним и лучезарно улыбнулась. — Ого, какая винтажная камера! Я Ева. А ты мой новый мучитель с объективом?

Алекс заставил себя улыбнуться в ответ, хотя его внутренний радар — профессиональное чутьё технаря и фотографа

— вдруг выдал странную заминку. В её движениях, в том, как она поймала свет, была какая-то слишком идеальная гармония. Возможно это было начало профессиональной паранойи.

— Алекс, — представился он, поднимая камеру. — Давай проверим свет. Посмотри в объектив.

Она посмотрела прямо в линзу. И на долю секунды Алексу показалось, что он видит не просто зрачки, а идеальные чёрные колодцы, которые сканируют его в ответ с пугающей скоростью. Но наваждение тут же исчезло — Ева забавно сморщила носик и показала кончик языка.

— Ну как? Я милашка? — засмеялась она.

— Вполне, — ответил Алекс, нажимая на спуск. — Свет ложится идеально.

Смена в павильоне подходила к концу, когда Ева, стянув с себя неудобные туфли прямо в гримёрке, подошла к Алексу. Она выглядела уставшей, но всё такой же обезоруживающе милой.

— Слушай, Алекс... — она замялась, и в её голосе вдруг проскользнула тёплая мягкость. — Я тут краем уха услышала, как ты с кем-то по телефону говорил. Ты же наш? С Дона?

Алекс удивлённо поднял бровь:

— Из Таганрога. А что?

— А я из Шахт! — Ева просияла. — Представляешь, в этом стеклянном муравейнике — и земляк! Слушай, я этот

первый день еле вывезла. Пойдём куда-нибудь? Тут за углом есть тихий бар — обмоем наше начало. За мой счёт, как-никак я теперь звезда с контрактом.

Спустя час они сидели в полумраке небольшого бара. Ева весело рассказывала про Лондон, про то, как скучала по донской жаре, как боялась не соответствовать ожиданиям Жукова. Она была настолько живой — смеялась, перебивала саму себя, — что Алекс почти расслабился.

Почти.

Его технический склад ума продолжал работать в фоновом режиме. Пока Ева отошла в дамскую комнату, Алекс вытащил смартфон и активировал терминал под столом, надеясь просто увидеть статус «Ожидание».

Экран мигнул красным.

[ВНИМАНИЕ]: ОБНАРУЖЕНА ПАРАЗИТНАЯ АКТИВНОСТЬ В БЛИЖНЕМ ПОЛЕ. [АНАЛИЗ]: ВАШЕ УСТРОЙСТВО ПЫТАЮТСЯ ПРОСКАНИРОВАТЬ ЧЕРЕЗ ОТКРЫТЫЙ WI-FI ШЛЮЗ БАРА.

Алекс нахмурился. Это был не сервер Жукова. Кто-то прямо здесь, в этом тихом баре, пытался перехватить данные с его телефона. И этот кто-то использовал протоколы, невероятно похожие на архитектуру фемботов — но гораздо более агрессивные.

В этот момент Ева вернулась за стол. Она улыбалась, но Алекс заметил, как её зрачки на долю секунды расширились

— чуть быстрее, чем это делают люди при изменении освещения. Рука на мгновение замерла в воздухе с математической точностью, прежде чем взять бокал.

— Всё нормально, Лёш? — спросила она. — Ты какой-то бледный стал.

Алекс мгновенно заблокировал экран и плавно убрал телефон в карман. Ни один мускул на его лице не дрогнул, хотя пульс тяжело стучал в висках.

— Всё отлично, — он изобразил расслабленную, чуть виноватую улыбку. — Просто хозяин квартиры написал. Опять напоминает про коммуналку. Добро пожаловать во взрослую жизнь в столице.

— А, ну да, понимаю, — протянула она, делая глоток коктейля. — У меня тут тоже не сахар. Контракт с Жуковым ещё не подписан окончательно, нервничаю жутко. Хотя Пётр из Женевы говорит, что всё уладит. Он у меня такой — всё контролирует.

Она невольно потянулась к айфону. Пока её пальцы скользили по стеклу, проверяя уведомления, фоновый процесс в её системе автоматически и бесшумно просканировал ближайшие Bluetooth-устройства, на долю секунды зафиксировав модель и серийный номер смартфона Алекса. Сама Ева лишь увидела пару лайков под своей последней сторис.

— Кстати, компания Жукова предоставила мне корпоративные апартаменты, — продолжила она. — Хотя сам он, конечно, тот ещё сноб. Ты заметил, как он на всех смотрит?

Как на крепостных. Ладно, хватит о грустном! — Ева откинула тёмные волосы за ухо, и её лицо снова озарилось беззаботностью. — Расскажи лучше, как тебе Москва? Я вот уже неделю тут, а всё равно чувствую себя как на другой планете. Хотя земляков встречать — это прям бальзам на душу.

Из динамиков под потолком тихо лилась старая рок-баллада. Ева чуть покачивала головой в такт гитарному соло, выглядя абсолютно расслабленной.

Алекс внимательно наблюдал за ней, потягивая крафтовый эль. Она была безупречна — но иначе, чем Кристина. Кристина рядом с ней показалась бы красивым, но безжизненным манекеном с витрины. Ева же была соткана из микродвижений: поправляла волосы, перебирала пальцами ножку бокала, чуть прикусывала губу.

Ева поймала его пристальный взгляд и слегка покраснела. Её тёплая смуглая кожа приобрела лёгкий персиковый оттенок.

— Что, у меня что-то на лице? — она кокетливо коснулась своих щёк. — Или я слишком увлеклась музыкой? Люблю такие старые вещи.

Она мило улыбнулась и облокотилась на стойку, повернувшись к нему всем корпусом. Её свитер немного сполз с плеча, обнажая гладкую кожу.

— Можно у тебя спросить? О личном?

Ева замерла на мгновение, бокал завис в воздухе. Карие глаза, обычно такие открытые, сузились на долю секунды —

но затем в них снова появилась смешинка.

— Ого, — выдохнула она. — Сразу в лоб, да? Ну ладно, спрашивай. Только предупреждаю: если спросишь про размер груди или сколько парней было — отправлю тебе счёт за психологическую травму.

Она поставила бокал на стойку, обхватив ладонями холодное стекло.

— Извини, но ты сама упомянула какого-то покровителя... — Алекс запнулся, искусно изображая смущение. — Ну, кто-то же помогал тебе с переездом, с раскруткой?

Ева засмеялась — звонко и естественно.

— А, дядя Петя! — воскликнула она с тёплой, почти детской привязанностью. — Да, это мой ангел-хранитель. Серьёзный такой русский швейцарец из Женевы. Бизнесмен. Знакомые мамы познакомили, когда я ещё в Шахтах свои видосики снимала. Он увидел, сказал: «У девочки потенциал». И всё оплатил: и школу моделей в Лондоне, и курсы, и жильё. — Она выпила последний глоток коктейля. — Он как... строгий, но добрый дядя. Всегда на связи, всегда советует. Без него я бы тут точно пропала.

Она потянулась к сумочке.

— А что? — Ева вдруг подняла на него взгляд с лёгкой игривой подозрительностью. — Ты ревнуешь? Или думаешь, у нас там что-то не такое? Он мне как семья, Лёш. Честно.

Хотя Ева, конечно, лукавила. Иногда она спала с дядей Петей — в своём нормальном, «человеческом» состоянии.

Просто как благодарность.

Искренняя теплота на её лице на мгновение дрогнула, сменившись чем-то более сложным. Она отвела взгляд, пальцы начали нервно теревать край свитера.

— Хорошо, скажу тебе, — голос стал тише, почти шёпотом. — Как другу, как земляку. Ну... было. Это сложно. Он мне очень много дал. Всю мою новую жизнь. Иногда благодарность — это не просто слова. Это что-то физическое. Что-то, что нужно отдать, чтобы не чувствовать себя вечным должником.

Она подняла на него глаза, и в их глубине плескалась странная смесь: стыд, гордость и какая-то отчаянная искренность. Затем она резко выдохнула, пытаясь натянуть прежнюю улыбку.

— Господи, что я несу. Забудь. Это было один раз. Ну, несколько. Не важно. Давай лучше ещё по одному бокалу? Кстати, у тебя что, есть планы на меня? — хитро подмигнула она. — Извини, но я с друзьями не сплю.

Алекс слегка улыбнулся — и вдруг неловко махнул рукой, задев локтем стеклянную солонку на краю стола. Бочонок стремительно полетел вниз.

Рука Евы метнулась с пугающей, змеиной скоростью. Её пальцы сомкнулись на солонке ровно в сантиметре от пола. Движение было настолько быстрым и математически точным, что человеческий глаз едва успел его зафиксировать. Никакой паники, никакого резкого вздоха. Только чистая

эффективность гидравлики и идеальный расчёт траектории.

Она плавно вернула солонку на стол и лучезарно улыбнулась:

— Оп! Поймала. В детстве на волейбол ходила, реакция осталась.

— Круто, — произнёс Алекс. И внутри него что-то очень холодное встало на своё место.

Ева засмеялась — чуть более резко, чем обычно, словно её система дала сбой на микросекунду, прежде чем скорректировать эмоциональный отклик.

— Ой, да ладно тебе, — отмахнулась она, и её щёки слегка порозовели. — Просто повезло. Ладно, мне правда пора — завтра важный день. Мне нужно быть в идеальной форме.

— Давай счёт пополам закроем, — предложил Алекс.

— Как скажешь-фыркнула она

Она положила деньги на стойку. В её движениях не было ни намёка на неуверенность или опьянение — только плавная, почти танцевальная грация.

— Было приятно, земляк. Надеюсь, ещё пересечёмся. — Она улыбнулась тёплой, но уже немного отстранённой улыбкой. — Держи связь.

Она вышла на ночную улицу, и холодный московский воздух ударил ей в лицо. Вызвала такси и уехала, оставив Алекса в баре наедине с его мыслями.

Машина остановилась у современного жилого комплекса.

Ева вышла, поблагодарив водителя. Её шаги отмеряли идеальное расстояние до парадной. Лифт поднял её на двадцатый этаж. Квартира была стерильной, меблированной минималистично, как дорогой гостиничный номер. Ничего лишнего. Ничего своего.

Она сбросила тренч на диван и подошла к панорамному окну. Москва лежала внизу — холодная и чужая. В тишине квартиры щёлкнул внутренний замок на двери.

За её спиной из динамика умной колонки раздался голос — ровный, без эмоций, с лёгким швейцарским акцентом:
— Дельта-четыре. Доклад.

Этого было достаточно. Щелчок замка был триггером, означающим полную изоляцию. Воздух в квартире словно стал густым и холодным, как в операционной. Плечи Евы распрямились, спина выровнялась в идеально прямую линию. Всё тепло, вся мимика, всё человеческое стекло с неё мгновенно — как маска из жидкого металла.

Ева повернулась от окна. Её движения теперь были лишены всякой плавности — только голая эффективность. Она подошла к дивану и села, положив руки на колени ладонями вверх, в позе ожидания. Огромные карие глаза, обычно такие выразительные, смотрели прямо перед собой, не моргая. Зрачки сузились до точек.

— Дельта-четыре. Доклад активирован, — произнёс её собственный голос, лишённый тембра, модулирующий и южного акцента. Чистый, холодный аудиопоток. — Контакт установ-

лен с целью: Алексей, фотограф, Таганрог. Уровень наблюдения: базовый. Инцидент А-7 произошёл в 23:47 по местному времени. Угроза компрометации: оценивается как низкая, но ненулевая. Запрос на дальнейшие инструкции.

— Какой там Алексей, он нас вообще не интересуется, — раздражённо ответил голос контролёра. — Это просто наёмный фотограф.

Ева не шевельнулась. Её лицо оставалось красивой и пустой маской.

— Подтверждаю. Цель не представляет интереса, — между словами возникла микроскопическая машинная пауза. — Однако его запрос о спонсоре...

Голос из динамика перебил её, раздражение стало ледяным:

— Спонсор? Ты говоришь о контролёре? — пауза, наполненная статикой. — Это не твоя компетенция. Просто ты ему понравилась. Обычная реакция молодого самца. Не обращай на него внимания. Можешь оставить в составе друзей — возможно, пригодится для прикрытия. Но не больше. Твоя главная задача — внедрение, наблюдение, сбор данных по Жукову. Всё остальное — шум.

Ева сидела неподвижно. Голос из динамика, полный раздражения и снисходительности, обрабатывался её системами как чистый пакет данных. В её сознании не возникло ни обиды, ни удивления. Она была инструментом.

— Инструкция принята, — ровно отозвалась она. —

Алексей классифицирован как незначительный актив. Фокус смещён на основную цель: Илья Жуков. Внедрение и наблюдение будут продолжены в соответствии с протоколом «Тень».

— Сеанс закончен. Команда: подзарядка и возврат в базовую личность.

Динамик щёлкнул. Тишина.

Ева расстегнула верхние пуговицы свитера. На гладкой коже ниже ключицы синтетическая плоть мягко раздвинулась — без крови, без боли, — обнажив тёмный блестящий технологический порт. Она взяла из сумочки специальный кабель и подключилась.

Раздался тихий щелчок соединения.

Ева замерла, прислонившись спиной к стене. Глаза оставались открытыми, но взгляд был устремлён в никуда. В её внутреннем интерфейсе замелькали зелёные строки:

«Цикл подзарядки иницирован. Сброс оперативной памяти. Загрузка поведенческих паттернов личности „Ева“. Уровень заряда: 98%... 99%... 100%»

Прошло двадцать три минуты. Кабель отсоединился сам, порт бесшумно скрылся под сомкнувшейся кожей. Ева убрала шнур в сумку и моргнула.

Огромные карие глаза сфокусировались. В них мгновенно вернулись глубина, тепло и лёгкая человеческая усталость. Она глубоко вздохнула, потянулась — суставы мягко хрустнули.

— Фух, — прошептала она хриплым голосом. — Что-то я вымоталась сегодня.

Убеждённая, что просто задремала на диване, она направилась в ванную. Вытирая лицо полотенцем, Ева посмотрела на своё отражение. В глазах не было ни капли машинной пустоты.

Внезапно она вспомнила объятия дяди Пети, и улыбка стала мягкой, задумчивой. Она обхватила себя руками, словно воспроизводя то самое ощущение безопасности.

— Он такой надёжный, — прошептала она в тишину. — Никто так не понимает.

Встряхнув головой, она взяла айфон и быстро набрала сообщение дяде Пете — полное энтузиазма и благодарности.

Отправив текст, Ева лениво потянулась. Свитер вдруг показался ей колючим. Она расстегнула пуговицы, позволив ткани соскользнуть на пол. Под ним оказался простой чёрный комплект белья, облегающий её идеальное стройное тело.

Она направилась в спальню. Босые ступни бесшумно ступали по прохладному ламинату. В темноте она сняла бельё, аккуратно сложив его на стул, и скользнула под холодную свежую простыню.

Листая ленту роликов, она искренне обрадовалась высокому охвату своих новых видео — пока веки не начали тяжелеть.

Пальцы разжались, смартфон мягко упал на одеяло. Ды-

хание стало глубоким и ровным. Длинные ресницы легли на смуглые щёки.

Но за этой безупречной картиной спящей девушки кипела невидимая работа. Внутренние процессоры тихо анализировали данные дня: образ Алекса был отправлен в архив «незначительные контакты», детали бара — в «обстановка», а искусственно сгенерированные эмоции к швейцарскому куратору — в системный кэш для поддержания лояльности.

Пока её сознание отдыхало в имитации сна, подкорковые модули уже готовили стратегию по захвату медиахолдинга Ильи Жукова.

Двенадцать часов ночи.

В комнате Кристины пахло дорогим мужским парфюмом и крепким виски.

Илья Петрович Жуков сидел в глубоком кресле, ослабив узел шёлкового галстука. День выдался тяжёлым, но успешным. Контракт с Евой обещал колоссальные прибыли, инвесторы наконец перестали задавать лишние вопросы. Он сделал глоток янтарной жидкости из тяжёлого хрустального стакана и перевёл взгляд на кровать.

Кристина сидела на краю матраса в тонкой шёлковой сорочке — идеально прямая, покорная, безупречно красивая. Её лицо было безмятежным.

Вчерашний «контрольный эксперимент» успокоил его па-

ранойю. Он проверил её логи — чисто. Никаких записей об Алексее Воронове. Машина снова принадлежала только ему.
— Подойди, — негромко приказал он.

Кристина плавно поднялась. Её движения были бесшумными и точными. Шёлковая сорочка мягко колыхалась вокруг её стройных бёдер, когда она пересекла комнату и остановилась перед его креслом. Голубые глаза, лишённые всякого выражения, смотрели прямо на него, ожидая следующей команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.